

ТАХИРА МАФИ

РАЗГАДАЙ
МЕНЯ

ТАХИРА МАФИ СОЗДАЛА ПУГАЮЩЕ
РЕАЛИСТИЧНЫЙ МИР, ПОЛНЫЙ ЯРКИХ,
ЗАПОМИНАЮЩИХСЯ ПЕРСОНАЖЕЙ!

«Booklist»

Тахира Мафи
Разгадай меня (сборник)
Серия «Разрушь меня», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9302723
Разгадай меня : [сборник] / Тахира Мафи; пер. с англ. С. Алукард: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-081364-3

Аннотация

Джульетте – девушке, обладающей особым даром, – удалось вырваться из рук опасных и безжалостных людей, пытавшихся использовать ее как «идеальное оружие».

Ей повезло – она оказалась среди друзей, способных помочь ей, поддержать и понять природу ее необыкновенных способностей.

Однако те, кто однажды уже пытался разрушить жизнь Джульетты, по-прежнему идут по ее следу – и они сильны как никогда и готовы на все.

С каждой секундой времени все меньше. С каждой секундой приближается решительная битва, которая определит будущее Джульетты...

Читайте рассказ «Уничтожь меня», также включенный в это издание.

Содержание

Уничтожь меня	5
Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	32
Глава 13	36
Глава 14	39
Глава 15	41
Глава 16	43
Глава 17	44
Глава 18	47
Глава 19	49
Глава 20	50
Глава 21	52
Глава 22	54
Глава 23	56
Разгадай меня	58
Глава 1	58
Глава 2	61
Глава 3	66
Глава 4	73
Глава 5	78
Глава 6	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Тахира Мафи

Разгадай меня (сборник)

Tahereh Mafi
DESTROY ME
UNRAVEL ME

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Writers House и Synopsis.

© Tahereh Mafi, 2012, 2013

© Художник. В. Ненов, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

* * *

Уничтожь меня

Пролог

Меня ранили.

И, как выясняется, пулевое ранение – более неприятная штука, нежели я предполагал.

Моя кожа делается холодной и липкой, я прилагаю титанические усилия, чтобы дышать. Боль рвет на части правую руку, отчего мне очень трудно сосредоточиться. Мне приходится с силой зажмуривать глаза, стискивать зубы и заставлять себя не потерять сознание.

Творящийся вокруг хаос просто невыносим.

Несколько человек кричат, перебивая друг друга, и слишком много людей касаются меня, отчего хочется, чтобы им отрезали головы. Они беспрестанно выкрикивают слово «Сэр!», словно ждут от меня приказов и не знают, что делать дальше. Одно это отнимает у меня последние силы.

– Сэр, вы слышите меня? – раздается очередной возглас. Но на сей раз он не вызывает отращения.

– Сэр, ответьте, вы слышите меня?..

– Меня ранили, Делалье, – выдавливаю я. Открываю глаза. Смотрю на него. – Но при этом я не оглох.

Шум сразу же стихает. Солдаты замолкают. Делалье встревоженно смотрит на меня.

– Проводите меня назад, – говорю я ему, чуть повернувшись. Окружающий меня мир опрокидывается, но тотчас становится на место. – Сообщите о происшествии медикам и распорядитесь, чтобы мне приготовили постель. А пока что поднимите мою руку и сдавите рану. Пуля явно задела кость, так что потребуется операция.

Делалье молчит чуть дольше, чем положено по уставу.

– Рад видеть, что с вами все в порядке, сэр. – В его голосе сквозит нервная дрожь. – Хорошо, что с вами все в порядке.

– Вы слышали приказ, лейтенант?

– Конечно, – быстро отвечает он, опустив голову. – Так точно, сэр. Какие распоряжения отдать солдатам?

– Найти ее, – приказываю я. С каждым словом мне все труднее говорить. Я делаю неглубокий вдох и дрожащей рукой провожу по лбу. Пот градом льет с меня, и это мне совсем не нравится.

– Слушаюсь, сэр.

Он делает движение, чтобы помочь мне встать, но я хватаю его за руку:

– И вот еще что...

– Сэр?

– Кент, – говорю я неровным голосом. – Передайте приказ взять его живым. Для меня.

Делалье удивленно смотрит:

– Рядового Адама Кента?

– Да. – Я вглядываюсь в его зрачки. – Я хочу разобраться с ним лично.

Глава 1

Делалье стоит у моей кровати. В руках у него планшет с зажимом для бумаги.

Это мой второй посетитель за это утро. Первыми приходили медики, подтвердившие, что операция прошла успешно. Они сказали, что если я полежу эту неделю, то новые лекарства, которые они мне дали, ускорят процесс выздоровления, и я весьма скоро смогу вернуться в строй, однако мне придется как минимум месяц носить руку на перевязи.

Я ответил, что это довольно занятная теория.

– Мои брюки, Делалье. – Я сажусь на кровати, стараясь отогнать тошноту, вызванную новыми препаратами. Моя правая рука не действует и совершенно бесполезна.

Я поднимаю глаза. Делалье смотрит на меня немигающим взглядом. На шее у него подергивается кадык.

Я сдерживаю вздох.

– Ну, в чем дело? – Держусь рукой за матрас и заставляю себя выпрямиться. Это забирает остатки энергии, и я хватаюсь за раму кровати. Взмахом руки я останавливаю Делалье, пытающегося мне помочь, и закрываю глаза, чтобы совладать с болью и головокружением.

– Докладывайте, что случилось, – обращаюсь я к нему. – Не стоит замалчивать плохие новости.

Он сбивчиво отвечает:

– Рядовой Адам Кент сбежал, сэр.

За закрытыми веками появляется слепяще-белая вспышка.

Я делаю глубокий вдох и здоровой рукой пытаюсь провести по волосам. Они спутанные, сухие и покрыты какой-то коркой: должно быть, грязью пополам с запекшейся кровью. Мне так и хочется изо всей силы ударить кулаком по стене.

Вместо этого я стараюсь взять себя в руки.

Я вдруг почти физически ощущаю все происходящее вокруг: запахи, шум и доносящиеся из-за двери шаги. Мне противны штаны из грубой холстины, которые на меня надели. Мне противно, что я без носков. Я хочу принять душ. Я хочу переодеться.

Я хочу всадить пулю в позвоночник Адаму Кенту.

– Зацепки есть? – спрашиваю я приказным тоном. Я двигаюсь в сторону ванной и вздрагиваю от дуновения прохладного воздуха: я без рубашки. Стараясь сохранять спокойствие, продолжаю: – Вы же не могли явиться ко мне с подобной информацией, если бы не было зацепок.

Мой разум представляет собой склад тщательно организованных эмоций. Я почти что вижу, как функционирует мой мозг, раскладывая по полочкам мысли и образы. Я запираю в дальние тайники все, что не может служить мне. Я концентрируюсь только на том, что необходимо сделать: базовые элементы выживания и множество дел, которые я должен успеть за день.

– Разумеется, – отвечает Делалье. Звучащий в его голосе страх немного раздражает меня, но я стараюсь не обращать на него внимания. – Да, сэр, – продолжает он, – мы почти уверены, что знаем, куда он направился, и у нас есть основания полагать, что рядовой Кент и... и девушка... э-э... и рядовой Кисимото, также сбежавший... У нас есть основания полагать, что они вместе и действуют заодно, сэр.

Ящички в моем мозгу с треском открываются. Воспоминания. Теории. Шепот и ощущения.

Я резко отбрасываю их.

– Ну конечно же. – Я качаю головой и тут же жалею об этом. Закрыв глаза, пытаюсь справиться с нахлынувшей дурнотой.

– Не говорите мне того, о чем я сам уже догадался, – выдавливаю я. – Мне нужно что-то конкретное. Дайте мне хорошую зацепку, лейтенант, или же найдите ее, а потом докладывайте.

– Машина, сэр, – быстро говорит он. – Поступило заявление об угоне машины, и нам удалось выследить ее, но вскоре она исчезла с карты. Как будто перестала существовать, сэр. Я поднимаю на него взгляд. Я весь внимание.

– Мы прошли по всему маршруту, следуя показаниям радара, – продолжает Делалье, немного успокоившись, – и оказались в пустынной, безлюдной местности. Мы прочесали все вокруг, но ничего не нашли.

– Это уже кое-что, – отвечаю я, потирая шею и пытаюсь справиться с одолевающей меня слабостью. – Жду вас в зале «Л» через час.

– Но, сэр, – произносит он, не переставая смотреть на мою руку, – вам понадобится помощь... процесс выздоровления... вам нужен уход...

– Можете идти.

Пару секунд он колеблется, затем говорит:

– Слушаюсь, сэр.

Глава 2

Мне удастся помыться, не потеряв сознания.

Это скорее обтирание губкой, и все же я чувствую себя гораздо лучше. У меня чрезвычайно низкий порог чувствительности к беспорядку, который оскорбляет само мое существо. Я регулярно принимаю душ. Ем шесть раз в день. Ежедневно я отвожу два часа для тренировок и физических упражнений. И я ненавижу ходить босиком.

Сейчас я стою в своей гардеробной – голый, голодный, уставший. И босиком. Это очень далеко от идеала.

Мой шкаф разделен на несколько секций. Рубашки, галстуки, брюки, блейзеры и ботинки. Носки, перчатки, шарфы и кители. Все рассортировано по цветам, затем по оттенкам каждого цвета. Каждый предмет одежды тщательно подобран и сшит на заказ в точности по моему размеру. Я чувствую себя не в своей тарелке, пока не одет с ног до головы, – это часть моего «я», и именно так я начинаю свой день.

Я не имею ни малейшего понятия, как мне одеться самому, без посторонней помощи.

У меня дрожит рука, когда я тянусь к небольшой синей бутылочке, которую мне дали утром. Я кладу две квадратные таблетки на язык и жду, пока они рассосутся. Не могу сказать, как именно они действуют, я только знаю, что они помогают восстановить кровопотерю. Так что я прислоняюсь к стене, пока голова не становится ясной и я могу уверенно стоять на ногах.

Сначала я надеваю носки. Эта простая процедура требует больше усилий, нежели убить человека. В какой-то момент мне становится интересно, что врачи сделали с моей одеждой. «С одеждой, – говорю я себе. – Только с одеждой». Я сосредоточен только на одежде, в которой был в тот день. И ничего больше. Никаких деталей.

Ботинки. Носки. Брюки. Пуловер. Мой китель со множеством пуговиц.

Со множеством пуговиц, которые она рывком расстегнула.

Крошечное воспоминание, но его достаточно, чтобы вызвать острую боль.

Я стараюсь отбросить его, однако оно не уходит, и чем больше я стараюсь от него избавиться, тем быстрее оно превращается в чудовище, с которым я уже не в силах совладать. Я даже не отдаю себе отчета в том, что в изнеможении прислонился к стене, пока не начинаю ощущать расползающийся по всему телу озноб. Я тяжело дышу, зажмурив глаза, пытаюсь избавиться от внезапно охватившего меня чувства унижения и стыда.

Я знал, что она испытывала сильный страх, даже ужас, но никогда не думал, что эти ее чувства относятся ко мне. Я видел, как она оттаивала в то время, когда мы виделись. Шли недели, и казалось, будто она чувствовала себя комфортнее. Счастливее. Раскованнее. Я позволил себе увериться, что она видела некое будущее для нас обоих, хотела быть рядом со мной и просто считала, что это невозможно.

Я и не подозревал, что ее новообретенное счастье имеет отношение к Кенту.

Я провожу здоровой рукой по лицу и зажимаю ладонью рот. Вспоминаю то, что говорил ей.

Едва заметный вздох.

Как я касался ее.

У меня сжимаются челюсти.

Если бы это было просто некое сексуальное влечение – уверен, я бы не страдал от столь невыносимого унижения. Но я желал гораздо большего, нежели просто ее тела.

В тот же миг я буквально умоляю свой разум вообразить стены и ничего больше. Стены. Белые стены. Бетонные блоки. Пустые комнаты. Открытое пространство.

Я мысленно возвожу стены, пока они не начинают рушиться, и усилием воли заставляю выситься все новые и новые преграды. Я продолжаю строить их, оставаясь неподвижным, пока мой разум не становится чистым и незамутненным. В нем остается лишь маленькая белая комната с одиноким источником света в потолке.

Свет этот чистый. Нетронутый. Спокойный.

Мысленным движением я останавливаю беду, рвущуюся в крохотный мир, построенный мной, проглатываю страх, пытающийся схватить меня за глотку. Я раздвигаю стены, делая комнату просторнее, пока не начинаю дышать. Пока не понимаю, что смогу встать.

Иногда мне хочется на время покинуть свою оболочку, свое усталое израненное тело, но слишком много цепей и слишком тяжело бремя. Единственное, что мне остается, – жить именно этой жизнью. И я уверен, что сегодня не смогу заставить себя посмотреть в зеркало.

Меня вдруг охватывает отвращение к самому себе. Мне надо как можно быстрее выбраться из этой комнаты, иначе мои мысли ополчатся на меня. Я торопливо принимаю решение и впервые почти не обращаю внимания, как и во что одет. Я натягиваю чистые брюки, но рубашку решаю не надевать. Просовываю здоровую руку в рукав блейзера, а правую половину пиджака набрасываю поверх перевязи с раненой рукой. В таком виде я выгляжу по меньшей мере смешно, но откладываю решение этого вопроса до завтра.

Прежде всего мне надо выбраться из этой комнаты.

Глава 3

Делалье здесь единственный человек, не испытывающий ко мне чувства ненависти.

Общаясь со мной, он в большинстве случаев объят страхом, однако он никак не проявляет интереса к тому, чтобы занять мое место. Я это чувствую, хотя и не совсем понимаю. Похоже, в этом здании только он рад тому, что я не погиб.

Небрежным жестом я останавливаю солдат, ринувшихся мне на помощь, когда я открываю дверь. Мне стоит огромных трудов взять себя в руки и унять дрожь в пальцах, когда я смахиваю со лба бисеринки пота, но я не могу позволить себе даже секундного проявления слабости. Им нет дела до моего самочувствия, они лишь хотят поближе посмотреть на зрелище, которое я собой представляю. Они жаждут увидеть первые трещины в моем рассудке. Но я не желаю, чтобы на меня тарачились.

Моя работа – руководить ими.

Меня ранили, но это не смертельно. У меня масса дел, и я с ними справлюсь.

Рана скоро забудется.

Ее имя никогда больше не прозвучит.

Сжимая и разжимая кулаки, я иду в сторону зала «Л». Раньше я никогда не задумывался о том, какие длинные здесь коридоры и как в них много солдат. И негде спрятаться от их любопытных взглядов, в которых сквозит досада, что я не погиб. Мне даже не надо смотреть на них, чтобы узнать, о чем они думают. Но осознание того, что у каждого из них на уме, лишь придает мне решительности в стремлении прожить очень долгую жизнь.

Я не доставлю им удовольствия увидеть меня мертвым.

– Нет-нет.

В четвертый раз я взмахиваю рукой, отказываясь от чая и кофе.

– Я не употребляю кофеин, Делалье. Почему вы всегда настаиваете, чтобы мне его подавали?

– Полагаю, я всегда надеюсь, что вы передумаете, сэр.

Я поднимаю на него взгляд. Делалье улыбается странной, какой-то дрожащей улыбкой.

Я не совсем уверен, но мне кажется, что он так пошутил.

– Почему же? – Я тянусь за кусочком хлеба. – Я вполне могу оставаться бодрым. Только идиот полагается на энергию, заключенную в бобах или листьях, чтобы не заснуть средь бела дня.

Делалье уже не улыбается.

– Да, – говорит он. – Разумеется, сэр.

Он склоняется над тарелкой. Я вижу, как его пальцы отодвигают чашку с кофе.

Я роняю хлеб на блюдо.

– Вы не должны, – обращаюсь я к нему, на сей раз спокойным тоном, – так быстро соглашаться с моим мнением. Защищайте свою точку зрения. Формулируйте четкие и логичные доводы. Даже если я возражаю.

– Конечно, сэр, – шепчет он. Несколько секунд молчит. Но потом я замечаю, как он снова тянется за кофе.

Делалье.

Он, пожалуй, единственный, с кем можно поговорить.

Изначально он был отправлен в этот сектор моим отцом, и с тех пор ему приказано оставаться здесь до истечения срока службы. И хотя он старше меня почти на сорок пять лет, он настаивает на том, чтобы быть у меня в подчинении. Его лицо мне знакомо с детства, он очень часто появлялся у нас дома, участвуя в многочисленных совещаниях задолго до того, как Оздоровление пришло к власти.

В нашем доме эти совещания шли бесконечной чередой.

Мой отец все время что-то планировал, проводил обсуждения и какие-то тайные переговоры, к которым меня не допускали. Участники этих совещаний сейчас правят миром, и, когда я смотрю на Делалье, я всякий раз удивляюсь, почему он никогда не стремился к командным высотам. С самого начала он был частью этого режима, однако создается впечатление, что он будет довольствоваться своим теперешним положением до самой смерти. Он предпочитает оставаться в тени даже тогда, когда я даю ему возможность высказаться; он отказывается от повышений, даже если я предлагаю ему куда большее жалование. И в то время как я ценю его верность, его преданность действует мне на нервы. Кажется, он не хочет расставаться со своим нынешним положением.

Мне не следовало бы ему доверять.

И все же я ему верю.

Но я начинаю терять рассудок из-за того, что мне не с кем поговорить на равных. В отношениях с солдатами я должен держать определенную дистанцию не только потому, что все они жаждут моей смерти, но также и оттого, что, как их командир, я несу ответственность за принятие объективных решений. Я приговорил себя к жизни в одиночестве, где надо мной никто не стоит и где мне надо жить лишь своим умом. Я старался стать командиром, внушающим страх своим подчиненным, и это мне удалось: никто не усомнится в моем превосходстве и не выскажет мнение, противоречащее моему. Никто не обратится ко мне иначе, кроме как к командующему и правителю Сектора 45. Я никогда и ни к кому не испытывал дружеских чувств. Ни в детстве, ни теперь.

За одним исключением.

Месяц назад я столкнулся с исключением из правила. Нашелся *один* человек, который посмотрел мне в глаза. Он же говорил со мной безо всякого стеснения, в моем присутствии он не боялся выказать гнев и другие настоящие, искренние эмоции – единственный, кто когда-либо осмелился бросить мне вызов и прикрикнуть на меня...

Я крепко зажмуриваюсь, по-моему, уже в десятый раз. Мои пальцы, стиснувшие вилку, разжимаются, и она падает на стол. Раненая рука снова отзывается болью, и я лезу в карман за таблетками.

– Вам не следует превышать суточную дозу в восемь пилюль, сэр.

Я отвинчиваю колпачок и отправляю в рот сразу три. Как же мне хочется унять дрожь в руках. Мои мышцы слишком напряжены. Натянуты как струна.

Я не жду, пока таблетки рассосутся, а разгрызаю их зубами, не обращая внимания на горечь. Жуткий металлический привкус помогает мне сосредоточиться.

– Доложите мне о Кенте.

Делалье опрокидывает чашку с кофе.

Чуть раньше я приказал прислуге выйти, так что Делалье приходится самому наводить порядок на столе. Я откидываюсь на спинку стула и смотрю в стену, мысленно подсчитывая потраченные зря минуты.

– Оставьте кофе в покое.

– Я... слушаюсь, конечно, сэр, извините...

– Прекратите.

Делалье роняет мокрые салфетки. Его руки тотчас застывают в воздухе над тарелкой.

– Докладывайте.

Я вижу, как у него дергается кадык. Он явно колеблется.

– Мы сами не знаем, сэр, – шепчет он. – Здание было почти невозможно обнаружить, тем более войти внутрь. Все входы закрыты изнутри, к тому же приржавели. Но когда мы нашли вход, – продолжает он, – когда мы нашли его, он был... Дверь разрушили. И мы понятия не имеем, как им это удалось.

Я резко подаюсь вперед.

– Что значит – разрушили?

Он качает головой.

– Все это... очень странно, сэр. Дверь просто изуродовали. Словно какой-то зверь растерзал ее когтями. В середине проема было лишь зияющее отверстие с рваными краями.

Я тотчас же встаю – слишком резко – и хватаюсь за стол, чтобы не упасть. У меня перехватывает дыхание от одной мысли о том, что могло там произойти. Помимо своей воли я с болезненным восторгом позволяю себе вспомнить ее имя, поскольку я знаю, что это ее рук дело. Она совершила нечто потрясающее, а меня не было там даже среди зрителей.

– Приготовьте транспорт, – приказываю я Делалье. – Встречаемся на плацу ровно через десять минут.

– Сэр...

Но я уже в коридоре.

Глава 4

Разорвана посередине. Словно неким зверем. Это верно.

Для ничего не подозревающего наблюдателя это стало бы, пожалуй, единственным объяснением, хотя даже в этом случае оно не имело бы смысла. Ни один зверь на свете не смог бы прорвать толстую броневую сталь, не лишившись при этом лап.

А ведь она вовсе не зверь.

Она нежное и вместе с тем смертельно опасное создание. Доброе, застенчивое и одновременно вселяющее ужас. Она полностью потеряла контроль и понятия не имеет, на что способна. И, несмотря на то что она ненавидит меня, я не могу не восхищаться ею. Я прямо-таки очарован ее напускной наивностью и невинностью и даже завидую дару, нечаянно свалившемуся на нее. Мне так хочется стать частью ее мира, узнать все ее помыслы и чаяния, почувствовать то, что ощущает она. Это, наверное, очень тяжелое бремя.

А теперь она где-то там, среди других людей, и предоставлена самой себе.

Что за дивное несчастье.

Я провожу пальцами по рваным краям отверстия, стараясь не порезаться. Дыра не имеет четкой формы, которую можно было бы придумать. Хаотично развороченная дверь несет на себе следы мучительного, отчаянного рывка. Мне остается лишь гадать, знала ли она, что делает, когда это все происходило, или же дар проявился у нее так же неожиданно, как в тот день, когда она прорвалась ко мне сквозь бетонную стену.

Я с трудом сдерживаю улыбку. Интересно, каким ей запомнился тот день? Каждый солдат, с которым я работал, участвовал в эксперименте, совершенно точно зная, чего ожидать, но я намеренно не посвятил ее во все детали. Я полагал, что эксперимент должен быть как можно более чистым, и надеялся, что дополнительные элементы реальности придадут ему подлинности. Но больше всего я хотел дать ей шанс исследовать ее истинную сущность – испытать ее силу в безопасном месте, – и с учетом ее прошлого я знал, что ребенок станет идеальным «детонатором». Однако я никак не ожидал таких потрясающих результатов. Ее дар оказался куда сильнее, чем я предполагал. И несмотря на то что я хотел обсудить с ней все последствия чуть позже, к тому времени, когда я пришел к ней, она уже планировала свой побег.

Улыбка исчезает с моего лица.

– Не угодно ли зайти внутрь, сэр? – Голос Делалье возвращает меня к действительности. – Смотреть там особо нечего, однако интересно отметить, что отверстие именно такого размера, чтобы через него без особых усилий мог протиснуться человек. Изначальное намерение, сэр, кажется совершенно очевидным.

Я отвлеченно киваю. Глазами я тщательно «снимаю» размеры дыры, стараясь представить, каково ей было оказаться здесь и пытаться проникнуть внутрь. Мне так хочется поговорить с ней обо всем этом.

И тут у меня начинает щемить сердце.

Я снова вспоминаю, что ее больше нет со мной. И на базе ее тоже нет.

Это я виноват в том, что она сбежала. Я позволил себе увериться, что она наконец одумалась и перешла на нашу сторону, и это повлияло на мою логику принятия решений. Мне следовало уделять больше внимания деталям. Моим солдатам. Я перестал видеть перспективу и высшую цель, саму причину того, зачем я перевез ее на базу. Я поступил глупо. И беспечно.

На самом же деле я был сбит с толку.

Ею.

Оказавшись здесь, она поначалу вела себя очень упрямо и инфантильно, но с течением времени она, казалось, пришла в норму, несколько успокоилась и стала меньше бояться. Мне приходится напоминать себе, что все ее подвижки к лучшему не имели ко мне никакого отношения.

Они имели отношение к Кенту.

Произошло предательство, казавшееся невозможным. Что она предпочтет мне робота, бесчувственного идиота наподобие Кента с пустыми, выхолощенными мыслями и интеллектом на уровне настольной лампы. Не понимаю, что именно он мог предложить ей и что она смогла в нем увидеть, кроме как инструмента для достижения своей цели – побега.

Она до сих пор не понимает, у нее нет будущего в мире обычных людей. Она чужая среди тех, кто никогда не поймет ее. И поэтому я должен ее вернуть.

Я лишь тогда понимаю, что произнес последнюю фразу вслух, когда слышу голос Делалье.

– Мы выслали розыскные партии на патрулирование всего сектора, – говорит он. – Мы также оповестили соседние секторы на случай, если они решатся пересечь...

– Что? – Я резко поворачиваюсь и спрашиваю тихим голосом, не сулящим ничего хорошего: – Что вы сказали?

Делалье бледнеет у меня на глазах.

– Я всего лишь ночь был без сознания! А вы уже успели оповестить соседние секторы об этой катастрофе...

– Я думал, вы захотите найти их, сэр, и считал, что если они попытаются скрыться где-то в другом месте...

Я делаю глубокий вдох, стараясь собраться с мыслями.

– Извините, сэр, но я считал, что для обеспечения безопа...

– С ней двое моих людей, лейтенант. Оба они не настолько глупы, чтобы направиться в другой сектор. У них нет ни допуска, ни способов получить допуск, необходимый для пересечения границ сектора.

– Но...

– Они исчезли сутки назад. Они серьезно ранены и нуждаются в помощи. Они передвигаются пешком и на угнанной машине, которую легко отследить. Далеко ли, – спрашиваю я его, едва не срываясь на крик, – они смогли уйти?

Делалье молчит.

– Вы объявили общенациональную тревогу. Вы уведомили сразу несколько секторов, и это означает, что о нашем провале теперь знает вся страна. И особые Уполномоченные Лица тоже в курсе. А что из этого последует? – Я сжимаю здоровую руку в кулак. – Что, по вашему, из этого последует, лейтенант?

На какое-то мгновение мне кажется, что он лишился дара речи.

Затем...

– Сэр, – хрипит он, – прошу вас, простите меня...

Глава 5

Делалье провожает меня до самой двери.

– Соберите личный состав завтра на плацу ровно в десять ноль-ноль, – говорю я ему на прощание. – Мне придется сделать заявление касательно недавних событий, а также последующих действий.

– Слушаюсь, сэр, – отвечает Делалье, не поднимая взгляд. Он ни разу не посмотрел на меня с тех пор, как мы уехали со склада.

Однако мне надо беспокоиться совсем о другом.

Кроме дурацкого поступка Делалье, у меня масса других дел, которыми необходимо заняться прямо сейчас. Я не могу себе позволить усугублять и без того сложную ситуацию, и мне нельзя отвлекаться. Ни на нее. Ни на Делалье. Ни на кого было то ни было. Мне нужно сосредоточиться.

Как же не вовремя меня ранили!

Новости о случившемся уже вышли на общенациональный уровень. Гражданские лица и соседние секторы теперь знают о произошедшем у нас ЧП, и нам необходимо свести слухи о нем к наиболее достижимому минимуму. Мне придется каким-то образом минимизировать последствия оповещений, разосланных Делалье, и в то же время подавить любые поползновения к бунту среди гражданских. Они и так уже почти на грани, и достаточно одной искры или намека на неповиновение, чтобы они вышли из-под контроля. И хотя их погибло очень много, они, по-видимому, не понимают, что сопротивляться Оздоровлению – значит навлечь на себя еще большие страдания, а это неизбежно приведет к новым жертвам. Гражданских надо усмирить любой ценой.

Я не хочу войны в своем секторе.

Сейчас, как никогда раньше, мне нужно контролировать себя и сферу своей ответственности. Но мой ум мечется, мое тело устало и измучено раной. Весь день я был на грани обморока и сейчас не знаю, что мне делать, как взять себя в руки. Слабость чужда моему существу.

Всего за два дня этой девчонке удалось искалечить меня.

Я проглотил еще этих отвратительных таблеток, но сейчас я слабее, чем утром. Я думал, что смогу перенести боль и страдания, причиненные раной в плечо, но они никак не хотят отступать. Теперь я в полной зависимости от того, что поможет мне пережить предстоящие трудные недели. От лекарств, врачей, постельного режима.

И ради чего – непонятно.

Это почти невыносимо.

– Остаток дня я пробуду у себя, – говорю я Делалье. – Распорядитесь, чтобы мне приносили еду и не тревожили меня, если не поступят новые данные о беглецах.

– Слушаюсь, сэр.

– Это все, лейтенант.

– Так точно, сэр.

Я сам не понимаю, как мне плохо, пока не закрываю за собой дверь спальни. Я с трудом добираюсь до кровати и хватаюсь за спинку, чтобы не упасть. Меня снова прошибает пот, и я решаю скинуть верхнюю одежду, в которой был на сегодняшнем выезде. Я срываю с себя блейзер, который утром небрежно набросил на раненую руку, и падаю на постель. Меня вдруг начинает бить озноб. Моя здоровая рука дрожит, когда я тянусь к кнопке вызова врача.

Мне нужно наложить на рану свежую повязку. Мне нужно съесть что-нибудь существенное. И больше всего мне нужно по-настоящему помыться, что кажется совершенно невозможным.

Надо мной кто-то склоняется.

Я несколько раз моргаю, но могу различить лишь размытые силуэты. Какое-то лицо то принимает ясные очертания, то снова расплывается, пока я не оставляю тщетных попыток рассмотреть его. Мои глаза закрываются сами собой. Голова гудит. Боль огнем жжет кости, доходя до самой шеи, перед глазами мельтешат разноцветные пятна. Мне удастся уловить лишь отрывки разговора.

– Внезапный подъем температуры...

– Может, сделать ему инъекцию успокаивающего...

– Сколько таблеток он принял?..

Я вдруг осознаю, что они убьют меня. Прекрасная возможность. Я слаб и не могу сопротивляться, и кто-то наконец явился, чтобы убить меня. Вот он, мой смертный час. Он пробил. А я почему-то не могу осознать это и покориться ему.

Я замахиваюсь и пытаюсь заткнуть эти голоса, из моей глотки вырывается какой-то звериный хрип. Что-то твердое ударяется о мою руку и со звоном падает на пол. Сильные пальцы хватают мою правую руку и прижимают ее к постели. Что-то затягивается у меня на лодыжках и на запястьях. Я стараюсь сбросить с себя эти путы, в отчаянии колотя кулаком по воздуху. Черная мгла застилает мне глаза и уши, сжимает горло. Я не могу ни дышать, ни видеть, ни слышать, и удушье приводит меня в такой ужас, что я почти уверен, что сошел с ума.

Что-то холодное и острое вонзается мне в руку.

На какое-то мгновение я осознаю, что чувствую боль, после чего она охватывает меня целиком, без остатка.

Глава 6

– Джульетта, – шепчу я, – что ты здесь делаешь?

Я полуодет и готовлюсь начать очередной день, а для посетителей еще слишком рано. Эти часы перед восходом солнца – мой единственный период спокойствия, и никому не позволено находиться здесь. Кажется невозможным, как она сумела пробраться в мои личные апартаменты.

Ее обязаны были остановить.

Тем не менее она стоит на пороге, глядя на меня немигающим взглядом. Я видел ее очень много раз, но сейчас все по-другому – смотря на нее, я испытываю физическую боль. Но почему-то меня тянет к ней, я хочу быть с ней рядом.

– Прости меня, – произносит она, ломая руки и отводя глаза. – Прости, прости, пожалуйста.

Я замечаю, во что она одета.

На ней темно-зеленое платье простого покроя из хлопка с эластиком, с облегающими рукавами и подчеркивающее мягкие изгибы ее тела. Оно гармонирует с зелеными огоньками в ее глазах, чего я никак не ожидал. Это одно из множества платьев, которые я выбрал для нее. Мне казалось, она с удовольствием наденет что-нибудь изящное после того, как ее так долго держали в клетке, словно зверя. Я не могу этого объяснить, но меня охватывает какое-то странное чувство гордости при виде того, что на ней вещь, которую я лично выбирал для нее.

– Прости меня, – снова повторяет она.

Я опять поражаюсь тому, что она совершила невозможное, проникнув сюда. В мою спальню. Смотрит на меня, стоящего без рубашки. У нее такие длинные волосы, что они ниспадают до середины спины. Я сжимаю кулаки, чтобы не поддаваться жгучему желанию провести по ним руками. Она так прекрасна.

И я не понимаю, почему она все время извиняется.

Она закрывает за собой дверь. Приближается ко мне. Мое сердце бьется все чаще, и я чувствую, что тут что-то не так. Я никогда не реагирую подобным образом. Я не теряю контроля. Я вижу ее каждый день, при этом мне удается сохранять некое подобие превосходства. Но сейчас все не так, как обычно.

Она касается моей руки.

Ее пальцы пробегают по изгибу моего плеча, и от прикосновения ее кожи к моей мне хочется кричать. Боль рвет меня на части, но я не могу произнести ни слова. Я замер на месте.

Мне хочется крикнуть, чтобы она прекратила, чтобы ушла, но внутри меня словно разразилась война. Я счастлив, оттого что она рядом, даже если это причиняет мне боль, даже если в этом нет никакого смысла. Но сам я не могу коснуться ее, не могу ее обнять, как всегда этого хотел.

Она смотрит на меня.

Ее странные голубовато-зеленые глаза внимательно изучают меня, и я вдруг чувствую себя виноватым, сам не знаю почему. Но в ее взгляде есть что-то такое, что заставляет ощущать собственное ничтожество, словно она единственный человек, понявший, что внутри меня – пустота. Она нащупала трещины в этом панцире, который я вынужден носить день за днем, и от осознания этого я цепенею.

Эта девушка точно знает, как расправиться со мной.

Она кладет руку мне на ключицу.

Затем она хватает меня за плечо, вцепившись пальцами в кожу с такой силой, как будто пытается оторвать мне руку. Боль буквально ослепляет меня, и на сей раз я действительно кричу. Я падаю перед ней на колени, а она выкручивает мне руку, заворачивая ее назад, пока я не начинаю задыхаться, изо всех сил стараясь не поддаваться боли.

– Джульетта, – хриплю я, – пожалуйста...

Она запускает свободную руку мне в волосы и оттягивает назад мою голову, так что я вынужден смотреть ей прямо в глаза. Затем она наклоняется к моему уху, при этом ее губы почти касаются моей щеки.

– Ты любишь меня? – шепчет она.

– Что? – с трудом выдыхаю я. – Что ты делаешь?..

– Ты все еще любишь меня? – переспрашивает она. Теперь ее пальцы ощупывают мое лицо, скользят по подбородку.

– Да, – отвечаю я. – Да, все еще люб...

Она улыбается.

Своей дивной невинной улыбкой. Я впадаю в ступор, когда она еще сильнее сжимает мою руку. Она так выкручивает мне плечо, что я почти уверен, что она его вывихнула. Перед глазами у меня пляшут цветные пятна, и я слышу ее голос:

– Осталось немного.

– Что? – в отчаянии спрашиваю я, пытаюсь оглядеться. – Что немного?

– Еще немного, и я уйду.

– Нет-нет, не уходи... Куда ты?..

– Ты поправишься, – произносит она. – Обещаю.

– Нет, – хриплю я, – нет...

Она вдруг отталкивает меня, и я просыпаюсь так внезапно, что у меня перехватывает дыхание.

Я недоуменно моргаю и понимаю, что проснулся посреди ночи. Со всех сторон меня обступает непроглядная тьма. Я тяжело дышу, рука туго стянута и пульсирует от боли. Тут я понимаю, что действие обезболивающего препарата закончилось. На руке под бинтом закреплена небольшая коробочка. Я нажимаю кнопку, чтобы вколоть себе еще одну дозу.

Мне требуется несколько секунд, чтобы привести дыхание в норму. Паника понемногу отступает.

Джульетта.

Я не могу контролировать кошмары, но в минуты пробуждения ее имя – единственное воспоминание, которое я могу себе позволить.

Потому что другие воспоминания о ней сопровождаются унижением и самоуничижением.

Глава 7

– Н-да, ну и зрелище. Мой сын, связанный, словно дикий зверь.

Я почти уверен, что мне снится очередной кошмар. Я медленно открываю глаза и смотрю в потолок. Я не делаю резких движений, однако ощущаю тяжелые путы, стягивающие мое левое запястье и обе лодыжки. Раненая рука перевязана и закреплена у меня на груди. И хотя плечо все еще болит, рана лишь немного ноет. Я чувствую, что у меня прибавилось сил. Даже голова прояснилась, и я четче воспринимаю окружающее. Однако во рту я ощущаю какой-то кислый металлический привкус и гадаю, сколько же я пролежал в постели.

– Ты и вправду думал, что я ничего не узнаю? – с усмешкой спрашивает он.

Он подходит к моей кровати, и его шаги отдаются во всем моем теле.

– Ты вынуждаешь Делалье бормотать извинения за то, что меня потревожили, и умолять моих людей винить только его за все хлопоты, связанные с этим непредвиденным визитом. Несомненно, что ты до смерти перепугал старика всем этим, тогда как на самом деле я бы все узнал и без его оповещений. Подобное происшествие, – заключает он, – не из тех, что можно легко скрыть. Надо быть полным идиотом, чтобы думать иначе.

Я чувствую на лодыжках легкое подергивание и понимаю, что он меня развязывает. Он так внезапно и неожиданно касается моей кожи, что я ощущаю внутри темную пустоту, вот-вот готовую обернуться болью. К горлу подступает тошнота. Требуется все мое самообладание, чтобы рывком не отстраниться от него.

– Сядь-ка, сынок. Сейчас ты должен вполне быть в форме. Ты сглумил, принявшись отдыхать, когда не надо, и теперь ты залежался. Ты три дня провалялся без сознания, а я прибыл двадцать семь часов назад. Вставай же. Это смешно, в самом-то деле.

Я продолжаю смотреть в потолок. Едва дыша.

Отец меняет тактику.

– Знаешь, – осторожно начинает он, – я ведь слышал о тебе преинтересную историю...

Он присаживается на край кровати, матрас скрипит под тяжестью его тела.

– Хочешь, я тебе ее перескажу?

Моя левая рука начинает трястись. Я судорожно цепляюсь пальцами за простыню.

– Рядовой 45В-76423. Флетчер, Симус. – Пауза. – Тебе знакомо это имя?

Я зажмуриваю глаза.

– Вообрази себе мое удивление, – произносит он, – когда я узнал, что мой сын наконец-то поступил правильно. Что он в конце концов проявил инициативу и избавился от предателя, регулярно воровавшего имущество со складов. Слышал, ты всадил ему пулю прямо в лоб. – Смешок. – Я поздравил себя и сказал, что ты наконец-то возмужал и научился управлять должным образом. Я почти гордился тобой. Вот почему я испытал еще большее потрясение, узнав, что семья Флетчера цела и невредима. – Он вдруг заламывает руки. – Потрясение, разумеется, оттого, что ты, как никто другой, должен знать основополагающее правило. В семье изменника все заражены изменой, и одно-единственное предательство автоматически обрекает их на смерть.

Он кладет руку мне на грудь.

Я снова мысленно строю стены. Белые стены. Цементные блоки. Пустые комнаты и большие открытые пространства.

Внутри меня ничего нет. Ровным счетом ничего.

– Как это, однако, забавно, – продолжает он, на сей раз задумчиво, – поскольку я сказал себе, что надо выждать и обсудить это с тобой. Но так получилось, что подходящий момент выдался именно теперь. – Я почти слышу, как он улыбается. – Должен сказать, что я чрезвычайно... разочарован. Хотя и не удивлен. – Он вздыхает. – Всего за месяц ты потерял двух

солдат, не смог справиться с психованной девчонкой, взбаламутил весь сектор и спровоцировал гражданских на бунт. Так что я ничуть не удивлен.

Его рука перемещается и ложится мне на ключицу.

«Белые стены», – думаю я.

Бетонные блоки.

Пустые комнаты. Открытые пространства.

Внутри меня ничего нет. Ровным счетом ничего.

– Но хуже всего, – произносит он, – вовсе не то, что ты умудрился унизить меня, нарушив порядок, который мне наконец-таки удалось установить. И даже не то, что ты схлопотал при этом пулю. Куда хуже, что ты выказал сочувствие семье предателя, – подытоживает он, рассмеявшись счастливым звонким смехом. – Вот это непростительно.

Я открываю глаза, часто мигая от яркого света флуоресцентных ламп у меня над головой, и пристально смотрю на расплывчатое белое пятно. Я не пошевелюсь. Я не заговорю.

Его рука смыкается у меня на глотке.

Это столь резкое и грубое движение, я чувствую нечто вроде облегчения. В глубине души я всегда надеюсь, что он доведет дело до конца и все-таки позволит мне умереть. Но он всегда останавливается. На полпути.

Пытка не является таковой, если есть хоть малейшая надежда, что она прекратится.

Он резко отпускает меня и тут же получает именно то, чего добивается. Я вскакиваю, кашляя и мотая головой, и издаю звук, подтверждающий его присутствие в комнате. Все мое тело дрожит, мышцы не слушаются от потрясения и долгого лежания. Я покрываюсь холодным потом, мне тяжело и больно дышать.

– Тебе крупно повезло, – говорит он как-то слишком тихо. Он уже стоит, а не нависает надо мной. – Очень повезло, что я оказался здесь исправить положение. Чрезвычайно повезло, что у меня было время исправить ошибку.

Я замираю.

Комната кружится у меня перед глазами.

– Мне удалось вычислить его жену, – продолжает он. – Жену Флетчера и его троих детей. Я слышал, что они даже благодарили тебя. – Пауза. – Ну, это было до того, как я приказал их убить, и полагаю, что сейчас это уже не имеет значения, но мои люди донесли мне, что семейство передавало тебе привет. Похоже, она тебя запомнила, – произносит он с легкой усмешкой. – Жена. Она сказала, что ты их навещал незадолго до всех этих... неприятностей. Она говорила, что ты регулярно объезжаешь жилые районы и общаешься с гражданскими.

Я шепчу лишь два слова, которые мне удается выдавить из себя:

– Вон отсюда.

– Узнаю своего сынка! – отвечает он, жестом указывая на меня. – Жалкого, мягкотелого дурачка. Иногда ты мне так отвратителен, что я подумываю, не пристрелить ли мне тебя самому. И потом я понимаю, что тебе, наверное, это понравится, да? Будет кого винить в собственном крахе, а? И я думаю: нет, лучше пусть умрет от собственной глупости.

Я смотрю прямо перед собой, сжимая пальцами матрас.

– Теперь скажи мне, – спрашивает он, – что у тебя с рукой? Делалье бормотал что-то невнятное, да и другие тоже.

Я молчу.

– Так тебе стыдно признаться, что тебя ранил один из твоих солдат?

Я закрываю глаза.

– А что там с девчонкой? – продолжает он. – Как ей удалось улизнуть? Она ведь сбежала с одним из твоих людей?

Я сжимаю простыню с такой силой, что у меня начинает дрожать рука.

– Скажи мне, – не унимается он, наклонившись к моему уху, – как бы ты обошелся с таким предателем? Тоже бы навел его семью? Поболтал бы с женой?

Я не хочу говорить это вслух, но не могу вовремя сдержаться:

– Я убью его.

Он вдруг издает такой взрыв хохота, что это скорее похоже на вой. Он легонько хлопает меня по затылку и взъерошивает мне волосы пальцами, которыми совсем недавно сжимал мне горло.

– Вот так-то лучше, – одобрительно произносит он. – Гораздо лучше. А теперь вставай. Нас ждет работа.

И я думаю: да, я бы не отказался поработать, чтобы стереть Адама Кента с лица земли. Предатель вроде него не имеет права жить.

Глава 8

Я стою под душем так долго, что начинаю терять чувство времени.

Раньше такого никогда не случалось.

Все как-то не так, вкривь и вкось. Я подолгу обдумываю свои решения, сомневаюсь во всем, во что, казалось, я никогда не верил, и впервые в жизни я чувствую себя донельзя, смертельно усталым.

Здесь мой отец.

Мы снова спим под одной трижды проклятой крышей. Я искренне надеялся, что подобное никогда больше не повторится. И тем не менее он здесь, на базе, в своих личных апартаментах, и пробудет тут до тех пор, пока не убедится, что можно спокойно уезжать. А это значит, он станет решать наши проблемы, перевернув вверх дном весь Сектор 45. Из чего следует, что он понизит меня до положения своей марионетки и курьера, поскольку мой отец никогда и никому не показывается на глаза, кроме тех, кого он намеревается убить.

Он Верховный главнокомандующий Оздоровления и предпочитает анонимно диктовать свою волю. Он перемещается в сопровождении группы лично им отобранных солдат, получает информацию и отдает приказы через своих людей, а столицу покидает только в чрезвычайно редких случаях.

Известие о его прибытии в Сектор 45 скорее всего уже облетело базу и, несомненно, привело в ужас моих солдат. Поскольку его присутствие, реальное или воображаемое, означает только одно: нескончаемую пытку.

Как давно я не чувствовал себя трусом.

И в то же время я счастлив. Я упиваюсь затянувшейся иллюзией собственной силы. Самому встать с постели и помыться – это маленькая победа. Врачи обернули мою раненую руку каким-то водонепроницаемым пластиком, чтобы я смог принять душ, и я наконец чувствую себя достаточно хорошо, чтобы твердо стоять на ногах. Тошнота ушла, головокружение исчезло. Наконец-то я могу ясно мыслить, хотя перспективы представляются мне весьма туманными.

Я заставил себя не думать о ней, однако начинаю осознавать, что для этого у меня еще недостаточно сил. Особенно теперь, когда я активно ищу ее. Есть в этом какой-то внутренний конфликт.

Сегодня мне нужно вернуться в ее комнату.

Мне надо перебрать ее вещи в поисках зацепки, которая помогла бы мне найти ее. Койки, рундуки и платяные ящики Кента и Кисимото тщательно перерыли, но не нашли ничего подозрительного. Однако я приказал своим подчиненным оставить в ее комнате – комнате Джульетты – все как есть. Никому, кроме меня, не разрешается туда заходить. Пока я сам там все не осмотрю.

И это, согласно приказу моего отца, является моей первоочередной задачей.

– Это все, Делалье. Я извещу вас, если мне понадобится помощь.

В последнее время он сопровождает меня дольше обычного. Скорее всего он приходил справиться обо мне, когда я не появился на построении, которое назначил два дня назад, и, к своему удовольствию, обнаружил меня в бреду и на грани безумия. Каким-то образом ему удалось переложить на себя вину за все случившееся.

Будь на его месте кто-то другой, я бы понизил его в звании.

– Слушаюсь, сэр. Извините, сэр. И простите меня... я не хотел создавать дополнительных проблем...

– У меня к вам нет претензий, лейтенант.

– Извините, сэр, – шепчет он и как-то обмякает, опустив голову.

Его извинения начинают раздражать меня.

– Соберите личный состав в тринадцать ноль-ноль. Я все же должен сделать заявление касательно последних событий.

– Слушаюсь, сэр, – кивает он, не поднимая взгляда.

– Можете идти.

– Слушаюсь, сэр.

Он берет под козырек и исчезает.

Я остаюсь один перед ее дверью.

Забавно, но навещать ее здесь стало входить у меня в привычку. Я испытывал какое-то странное умиротворение от сознания того, что мы с ней живем в одном здании. Ее присутствие на базе изменило для меня буквально все: в течение того времени, что она провела здесь, мне впервые стало нравиться жить в моих апартаментах. Я с нетерпением ждал ее вспышек ярости. Ее истерик. Ее смешных доводов. Я хотел, чтобы она орала на меня; я бы поздравил ее, если бы она ударила меня по лицу. Я всегда провоцировал ее, играя с ее эмоциями. Я хотел увидеть настоящую девушку, скрытую за стеной страха. Мне хотелось, чтобы она наконец сбросила ею же самой придуманные и стянутые путы.

Поскольку я знал, что здесь, в замкнутом и изолированном пространстве, она могла притворяться тихой и кроткой, то там, среди хаоса разрушения, она станет совершенно другим человеком. Я просто ждал. Изо дня в день терпеливо ждал, когда же она осознает свои истинные возможности, так и не поняв, что доверил ее солдату, который может отнять ее у меня.

Вот почему мне надо было застрелиться.

Вместо этого я открываю дверь.

Дверная панель задвигается, когда я вхожу внутрь. Я стою один в комнате, помнящей ее последнее прикосновение. Постель в беспорядке, дверцы изысканно украшенного шкафа приоткрыты, разбитое окно наскоро затянуто пластиком. Я чувствую тоскливую пустоту под ложечкой, на которую стараюсь не обращать внимания.

Сосредоточься.

Я захожу в ванную и изучаю туалетные принадлежности и ящички, даже заглядываю в душевую кабину.

Ничего.

Я возвращаюсь к кровати и провожу рукой по скомканному одеялу и разбросанным подушкам. На какое-то мгновение я позволяю себе осмотреть свидетельства того, что она действительно когда-то здесь находилась, а затем разбираю постель. Простыни, наволочки, одеяла – все летит на пол. Я тщательно изучаю каждый сантиметр подушек, матраса и кроватной рамы. И опять ничего не обнаруживаю.

Прикроватная тумбочка. Ничего.

Под кроватью. Ничего.

Светильники, выключатели, обои, каждый предмет одежды в ее шкафу. Ничего.

И только когда я направляюсь к двери, я что-то задеваю ногой. Смотрю вниз. И под носком ботинка вижу неприметный четырехугольный предмет. Маленький потертый блокнотик, который уместился бы у меня на ладони.

Я настолько поражен, что какое-то время не в силах сдвинуться с места.

Глава 9

Как же я мог забыть?

Этот блокнотик торчал у нее из кармана в тот день, когда она сбежала. Я обнаружил его сразу перед тем, как Кент приставил мне ко лбу пистолет, и в какой-то момент среди общей неразберихи я, должно быть, обронил блокнот. Теперь-то я понимаю, что именно его и надо было искать в первую очередь.

Я наклоняюсь, чтобы поднять его, аккуратно вытряхивая застрявшие между страниц осколки стекла. Рука дрожит, сердце громко пульсирует в ушах. Я понятия не имею, что в блокноте. Рисунки. Заметки. Неясные обрывки мыслей.

Все, что угодно.

Верчу блокнот в руках, мысленно запоминая складки на неровной истертой поверхности. У него неприметная коричневая обложка, но я не могу определить, стала ли она такой от времени или же это ее изначальный цвет. Интересно, давно ли он у нее. И где она его раздобыла.

Я пячусь назад и натываюсь на кровать. Колени у меня подгибаются, и я хватаюсь за матрас, чтобы сохранить равновесие. Делаю робкий вдох и закрываю глаза.

Я отсмотрел мониторные видеозаписи ее пребывания в психушке, но это не принесло почти никакой пользы. Освещение всегда было слишком слабым, а свет из маленького окошка почти не доходил до дальних углов ее палаты. Очень часто она представляла собой лишь неясные очертания неопределенной формы, расплывчатую тень, которую не сразу и заметишь. Наши камеры годятся лишь на то, чтобы засечь движение или несколько мгновений, когда солнце падает на нее под нужным углом. Но она редко двигалась. Почти все время она не шевелясь сидела на кровати или в темном углу. И постоянно молчала. Если она что-то и говорила, то это были не слова в буквальном смысле. Она говорила только числами.

Считала.

В этом ее поведении было что-то абсолютно нереальное. Я не мог даже различить ни ее лица, ни очертаний фигуры. И все же она восхитила меня тем, что могла казаться такой спокойной и неподвижной. Она часами сидела не шевелясь на одном месте, а я всегда ломал голову над тем, что же она думает, как она вообще может существовать в этом замкнутом мире. Но больше всего мне хотелось услышать, как она говорит.

Я безумно хотел слышать ее голос.

Я всегда надеялся, что она заговорит на знакомом мне языке. Мне казалось, она начнет с чего-то очень простого. Возможно, с чего-то трудноразличимого. Но когда в первый раз нам посчастливилось засечь, как она говорит, я не мог оторваться. Я сидел и остолбенело наблюдал, как она коснулась рукой стены и начала считать.

До 4572.

Я смотрел, как она считает. До 4572.

На это ушло пять часов.

Лишь позднее я понял, что она считала вдохи и выдохи.

После этого я начал беспрестанно думать о ней. Задолго до того как ее привезли на базу, я постоянно возвращался к мыслям о том, что она делает и заговорит ли она снова. Если она не считала вслух, считала ли она про себя? Мыслила ли она буквами? Законченными фразами? Злилась ли она? Грустила ли? Почему она казалась такой безмятежной, в то время как я слышал, что она представляет собой непредсказуемое безумное животное? Или это все обман, ловкий трюк?

Я изучил все до единого документы, касавшиеся ее жизни. Я вник во все детали ее истории болезни и полицейских протоколов. Я тщательно просмотрел все замечания ее учи-

телей в школе, заключения врачей, ее официальный приговор, вынесенный судом Оздоровления, и даже анкету из психиатрической лечебницы, заполненную ее родителями. Я знал, что ее исключили из школы в четырнадцать лет. Мне было известно, что ее подвергали довольно жестоким методам обследования, заставляли принимать различные – и опасные – экспериментальные препараты и что она прошла принудительный курс электрошоковой терапии. За два года она успела побывать в девяти разных центрах для временного содержания несовершеннолетних преступников, и ее осмотрели больше полусотни врачей. Все они описывали ее как чудовище. Они характеризовали ее как общественно опасную личность и угрозу всему роду человеческому. Как девочку, которая погубит наш мир и которая уже сделала для этого первый шаг, убив ребенка. Когда ей исполнилось шестнадцать, ее родители потребовали, чтобы ее изолировали. Так с ней и поступили.

Все это казалось мне полнейшим вздором.

Девушка-изгой, отринутая обществом и даже своей семьей. Чувства в ней должны бурлить через край. Ярость. Депрессия. Ненависть. Где же они?

Она совсем не походила на других обитателей психиатрической лечебницы, людей действительно больных. Кто-то часами бросался на стены, ломая себе кости и разбивая головы. Кто-то обезумел настолько, что до крови расцарапывал себе кожу, буквально разрывая себя на части. Кто-то во весь голос разговаривал сам с собой, смеясь, распевая песни и споря. Почти все срывали с себя одежду, ходили нагишом и спали, покрывшись коркой из собственных экскрементов. Она была единственной, кто регулярно принимал душ или стирал свою одежду. Она спокойно принимала пищу и съедала все, что ей давали. А большую часть времени она проводила, глядя в окно.

Ее продержали взаперти почти десять месяцев, но она не утратила человеческого достоинства. Я хотел знать, как она смогла выдержать так долго и как ей удалось достичь такого безупречного внешнего спокойствия. Я восхищался ею, завидуя ее самообладанию и стойкости перед лицом всего, что ей пришлось вынести. Не знаю, отдавал ли я себе тогда отчет в том, что чувствовал, но был твердо уверен – она должна принадлежать только мне.

Мне хотелось узнать ее тайны.

И вот однажды, находясь в палате, она встала и подошла к окну. Только-только занялся рассвет, и тогда я впервые ясно увидел ее лицо. Она прижала ладонь к оконному стеклу и прошептала всего два слова.

«Прости меня».

Я бесчисленное количество раз пересматривал этот фрагмент.

Я не мог никому признаться в том, что она вызвала во мне еще большее восхищение. Мне приходилось притворяться, разыгрывать по отношению к ней внешнее равнодушие и даже высокомерие. Ей предназначалась роль нашего орудия и ничего более, некоего «инновационного пыточного инструмента».

Винтика, до которого мне не было никакого дела.

В ходе своего исследования я натолкнулся на ее материалы случайно. Совпадение, и все. Я наткнулся на нее отнюдь не в поисках нового «живого оружия». Задолго до того как я впервые увидел ее видеоархив и перемолвился с ней словом, я вел исследования в другой области. С другой целью.

И по совсем другим причинам.

История об использовании ее в качестве оружия предназначалась моему отцу: мне нужен был предлог, чтобы работать с ней и получить необходимый допуск для изучения всех материалов по ней. Это был спектакль, который мне пришлось разыгрывать перед своими подчиненными и перед сотнями камер, отслеживающих каждый мой шаг. Я переправил ее на базу не для того, чтобы задействовать ее способности. И разумеется, я никак не ожидал, что увлекусь ею.

Но мои истинные мотивы умрут вместе со мной.

Я буквально падаю на кровать. Кладу руку на лоб и провожу ею по лицу. Я никогда бы не посадил к ней Кента, если бы смог выкроить время и самому стать «подсадной уткой». Каждый мой шаг был ошибкой. Каждая тщательно просчитанная комбинация заканчивалась провалом. Мне хотелось лишь понаблюдать, как она проявит себя в общении с другим человеком. Изменится ли она, разрушит ли она обычным разговором выработанные мной вероятностные прогнозы. Но вид того, что она с кем-то говорит, сводил меня с ума. Я ревновал. Смешно. Я хотел, чтобы она узнала меня, чтобы она говорила со мной. И тогда я испытал странное, необъяснимое чувство, что она, возможно, единственный человек в мире, который мне безразличен.

Я заставляю себя сесть. Со злобой смотрю на зажатый в руке блокнот.

Я потерял ее.

Она меня ненавидит.

Она меня ненавидит, а я испытываю к ней отвращение и, вероятно, никогда ее больше не увижу. Все это – результат моих «трудов». Этот блокнот, наверное, – единственное, что у меня от нее осталось. Моя рука застыла над обложкой, словно подталкивая меня открыть его и вновь обрести ее, хотя бы ненадолго, хотя бы на бумаге. И в то же время я охвачен ужасом. Это добром не кончится. Там может оказаться то, что мне совсем не захочется увидеть. А что, если она поверяла дневнику свои мысли о чувствах к Кенту? Тогда я могу выброститься из окна.

Я бью себя кулаком по лбу. Делаю глубокий вдох, чтобы совладать с собой.

Наконец, я открываю блокнот. И вижу первую страницу.

И лишь теперь я начинаю понимать истинный смысл того, что я нашел.

Я без конца думаю о том, что мне надо сохранять спокойствие, что все это у меня в голове, что все будет хорошо, что кто-то прямо сейчас откроет дверь, кто-то выпустит меня отсюда. Я без конца думаю о том, что это случится. Я думаю о том, что это должно случиться, поскольку подобные вещи просто не случаются. Такое не происходит. Людей не забывают вот так. Не бросают вот так.

Такое просто не происходит.

Мое лицо – в запекшейся крови от удара, когда меня швырнули на землю, а руки у меня до сих пор трясутся, даже когда я сейчас пишу. Эта ручка – моя единственная отдушина, мой голос, поскольку мне не с кем поговорить и некуда нырнуть, кроме как в глубь себя, а все шлюпки уже заняты, и спасательных жилетов больше не осталось, а я не умею плавать – не умею плавать – не умею плавать, и мне все тяжелее. Мне все тяжелее. В груди у меня как будто миллион воплей, но их надо сдерживать, потому что толку кричать, если тебя никогда не услышат, а меня здесь никто не услышит. Никто и никогда.

Я научилась не мигая смотреть на все.

На стены. На свои руки. На трещины в стенах. На сгибы на пальцах. На серые пятна на бетоне. На свои ногти. Я выбираю предмет и смотрю на него, наверное, часами. Я держу в голове время, считая уходящие секунды. Я держу в голове дни, записывая их. Сегодня день второй. Сегодня второй день. Сегодня день.

Сегодня.

Как же холодно. Как же холодно-холодно-холодно.

Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста.

Я резко захлопываю блокнот.

Рука у меня снова дрожит, и на сей раз я не могу совладать с ней. Теперь дрожь исходит откуда-то изнутри меня, от глубокого осознания того, что именно я держу в руках. Дневник не о том, что происходило с ней здесь. Он не имеет отношения ни ко мне, ни к Кенту, ни к кому бы то ни было. Этот дневник – хроника дней, проведенных ею в сумасшедшем доме.

И вдруг этот маленький потертый блокнотик становится мне дороже всего на свете.

Глава 10

Сам не знаю, как мне удастся так быстро добраться до своих апартаментов. Мне лишь известно, что я захлопнул дверь в спальню, открыл дверь в кабинет и заперся там изнутри. И вот я сижу за столом, отодвинув бумаги и секретные донесения, уставившись на истертую обложку блокнота, который читаю с леденящим ужасом. В этом дневнике есть что-то очень личное. Создается впечатление, что его листы связаны между собой чувствами бесконечно одинокого человека и наиболее страшными моментами его жизни. Она писала все это в самые тяжкие моменты своей недолгой семнадцатилетней жизни, и я думаю, что мне удастся то, чего я всегда хотел.

Заглянуть в ее мир.

И хотя напряженное ожидание буквально убивает меня, я вдруг очень остро ощущаю, каким горьким может быть разочарование. Я отчего-то теряю уверенность в том, что мне хочется познать ее мир. И все-таки хочется. На все сто.

Я медленно открываю блокнот и переворачиваю страницу. День третий.

Сегодня я начала кричать.

Эти четыре слова ранят меня больше всего на свете.

Моя грудь вздымается, мне трудно дышать. Но я заставляю себя читать дальше.

Очень скоро я понимаю, что в записях нет никакой упорядоченности. Похоже на то, что она опять начала сначала, когда странички кончились и она убедилась, что свободного места больше нет. Тогда она стала писать на полях и поверх старого текста мелким, почти нечитаемым почерком. Повсюду нацарапаны какие-то числа, иногда одно из них встречается множество раз. Частенько одно и то же слово написано, зачеркнуто, обведено кружком и подчеркнуто. Почти на каждой странице перечеркнутые предложения и целые абзацы.

Одним словом – полный хаос.

У меня сжимается сердце, когда я понимаю, что ей пришлось пережить. В свое время я строил догадки насчет того, какие страдания она испытывала, будучи запертой в жуткой полутемной клетке. Но, убедившись в этом воочию, я уже жалею о том, что оказался прав.

И теперь, даже прилагая все силы к тому, чтобы прочесть ее записи в каком-то хронологическом порядке, я убеждаюсь, что не могу разгадать метод, с помощью которого она все нумеровала. Разобраться в системе, на которой построен дневник, под силу только ей одной. Я могу лишь листать блокнот и выискивать наиболее связные куски текста.

Мой взгляд замирает на одном из фрагментов.

Как это странно – никогда не знать покоя. А лишь знать, что, куда бы ты ни шел, тебе негде укрыться. Что боль может в любой момент обрушиться на тебя. Я никогда не чувствовала себя в безопасности: ни выходя на улицу, ни все 14 лет, что я прожила дома. Психушка каждый день убивает людей, этот мир уже научил меня страху, а мой дом – по-прежнему то место, где отец каждую ночь запирает меня в комнате, а мать беспрестанно орала на меня, потому что я чудовище, которое ей приходится растить.

Она всегда говорила, что все дело в моем лице.

Есть в моем лице что-то такое, повторяла она, чего она на дух не переносила. Что-то в моих глазах, в том, как я смотрела на нее, что-то в самом факте моего существования. Она всегда кричала, чтобы я не смотрела на нее. Как будто бы я брошусь на нее. «Не смотри на меня!» – визжала она. Не смотри, и все тут.

Однажды она засунула мою руку в горящий камин.

Просто посмотреть, загорится ли она. Просто проверить, нормальная ли у меня рука, сказала она.

Мне было тогда 6 лет.

Я запомнила это, потому что у меня был день рождения.

Я швыряю блокнот на пол.

И тут же вскакиваю, пытаюсь унять лихорадочно бьющееся сердце. Я запускаю руку в волосы. Как мне близки эти слова, как знакомы. История ребенка, над которым издевались родители. Запертого и забытого. Как все это мне знакомо.

Я никогда в жизни не читал ничего подобного. Такого, что пробирало бы меня до глубины души. И я знаю: не надо было это читать. Каким-то образом я осознаю, что мне это не поможет, ничему меня не научит, не даст мне никаких зацепок по поводу того, где она могла скрыться. Я лишь знаю, что сойду с ума, если продолжу чтение.

Но я не могу ничего с собой поделать и снова тянусь к дневнику.

Опять открываю его.

Сошла ли я с ума?

Случилось ли это?

Как я об этом узнаю, и узнаю ли?

Переговорное устройство вдруг издает пронзительный визг, так что я чуть не падаю со стула и хватаюсь за стену. Дрожь в руках не унимается, на лбу выступает испарина. Перевязанную руку нестерпимо жжет, а ноги делаются ватными. Мне приходится собрать в кулак всю свою волю, чтобы мой голос звучал обыденно, и нажимаю кнопку.

– Что такое? – недовольно спрашиваю я.

– Сэр, я хотел узнать, все ли у вас... то есть построение, сэр, если, конечно, я не перепутал время... Прошу простить, что побеспокоил...

– Бога ради, Делалье, – отвечаю я как можно более спокойным голосом, – перестаньте наконец извиняться. Уже иду.

– Слушаюсь, сэр, – говорит он. – Благодарю вас, сэр.

Я отпускаю кнопку.

Затем беру блокнот, сую его в карман и иду к двери.

Глава 11

Я стою на краю помоста, возвышающегося над плацем, и смотрю на тысячи лиц, глядящих на меня немигающими глазами. Это мои солдаты. Они стоят в шеренгах по одному, одетые в повседневную форму. Черные рубашки, черные брюки, черные ботинки.

Без оружия.

У каждого стиснутый кулак левой руки прижат к сердцу.

Я делаю над собой усилие, чтобы взять себя в руки и сосредоточиться, но мои мысли упорно возвращаются к лежащему в кармане блокноту. Он жжет мне кожу и манит к себе своими тайнами.

Я сам не свой.

Мои мысли опутаны словами, которые мне не принадлежат. Я делаю резкий вдох, чтобы сбросить висящую перед глазами пелену, и сжимаю и разжимаю кулак.

– Сектор 45! – обращаюсь я к застывшим солдатам, говоря прямо в сетку микрофона.

Они одновременно делают резкое движение, опустив левую руку и прижав стиснутый кулак правой к груди.

– Сегодня я решил уведомить вас о нескольких недавних событиях, – продолжаю я. – Результат одного из них вы все видите.

Я показываю на свою раненую руку. Внимательно вглядываюсь в их слишком уж бесстрастные лица.

Я вижу их подлые мысли как на ладони.

Они считают меня кем-то вроде безумного ребенка. В них нет ни уважения ко мне, ни верности. Они огорчены тем, что я стою перед ними. Они испытывают злобу и даже отвращение, оттого что моя рана оказалась не смертельной.

Но они смертельно боятся меня.

И это все, что мне требуется.

– Я был ранен, – объявляю я, – во время преследования двух перебежчиков. Рядовые Адам Кент и Кенджи Кисимото спланировали побег с целью похищения Джульетты Феррарс, недавно переведенной в Сектор 45 и представляющей для нас чрезвычайную ценность. Они обвиняются в незаконном захвате и удержании мисс Феррарс. Однако, что куда более важно, они признаны виновными в измене Оздоровлению. При обнаружении они будут немедленно уничтожены.

Я еще раз убеждаюсь в том, что ужас – одно из наиболее ярко проявляющихся чувств. Даже на каменном лице солдата.

– Во-вторых, – продолжаю я, на сей раз чуть медленнее, – с целью стабилизации обстановки в Секторе 45, предотвращения волнений среди гражданского населения и для нейтрализации последствий недавних происшествий к нам на базу прибыл Верховный главнокомандующий Оздоровления. Это произошло, – обращаюсь я к ним, – почти тридцать шесть часов назад.

Кто-то из солдат опустил сжатые кулаки. Забылись. Смотрят вытаращенными глазами. Окаменели.

– Вы окажете ему гостеприимство, – говорю я.

Они падают на колени.

Как это странно – обладать подобной властью. Интересно, гордится ли мой отец тем, что он создал. Что я способен всего лишь несколькими словами, одним его титулом повергнуть тысячи взрослых мужчин на колени. Это ужасающее и вместе с тем пьянящее ощущение.

Я мысленно считаю до пяти.

– Встаньте.

Они поднимаются. Затем проделывают маршевый артикул.

Пять шагов назад, пять вперед, стой, раз-два. Они вздымают вверх левую руку, сжатую в кулак, и опускаются на одно колено. На сей раз я не приказываю им встать.

– Будьте готовы, господа, – обращаюсь я к ним. – Мы не будем знать ни сна, ни отдыха, пока не разыщем Кента и Кисимото и пока мисс Феррарс вновь не окажется на базе. В ближайшие двадцать четыре часа я получу указания от Верховного главнокомандующего, который поставит нам боевую задачу. Тем временем вы должны уяснить два момента: первое – мы не допустим волнений среди гражданского населения и приложим все усилия для соблюдения им обязательств по отношению к новому миру. И второе – не сомневайтесь, что мы найдем рядовых Кента и Кисимото. – Я ненадолго умолкаю. Обвожу их взглядом, внимательно всматриваясь в лица. – Пусть их судьба послужит вам примером. Предателям не место в Оздоровлении. И мы никогда не прощаем их.

Глава 12

Один из сопровождающих моего отца ждет меня у двери.

Я бегло смотрю в его сторону, но не успеваю разглядеть лица.

– Докладывайте, рядовой.

– Сэр, – произносит он, – мне поручено известить вас, что Верховный главнокомандующий ожидает вас на обед в его апартаментах в двадцать ноль-ноль.

– Считайте ваше поручение выполненным.

Я делаю шаг и собираюсь открыть дверь.

Он выступает вперед, загородив мне дорогу.

Я поворачиваюсь и пристально смотрю на него.

Он стоит почти в полуметре от меня: это скрытое проявление неуважения, подобного не позволяет себе даже Делалье. Но в отличие от моих подчиненных окружающие отца подхалимы считают себя счастливыми. Быть членом свиты Верховного главнокомандующего почитается за огромную привилегию и честь. Они подчиняются только ему и никому больше.

И вот этот рядовой пытается доказать свое превосходство надо мной.

Он завидует мне. Он считает, что я не достоин быть сыном Верховного главнокомандующего Оздоровления. Это написано у него на лице.

Я с трудом удерживаюсь от смеха, когда смотрю в его холодные серые глаза и черную бездну его души. Рукава его форменной рубашки засучены выше локтей, выставляя напоказ армейские татуировки. Концентрические черные круги, красующиеся у него на предплечьях, обведены красным, зеленым и синим. Это единственный отличительный знак того, что он служит в элитном подразделении. Я всегда отказывался участвовать в подобных жутких ритуалах «клеймения».

Рядовой все еще таращится на меня.

Я поворачиваю голову в его сторону и удивленно приподнимаю брови.

– Мне приказано, – объясняет он, – дождаться устного подтверждения, что приглашение принято.

Какую-то секунду я размышляю, есть ли у меня выбор, и убеждаюсь, что его нет.

Я, как и остальные марионетки в этом мире, полностью завишу от воли моего отца. Это истина, с которой мне приходится мириться изо дня в день: я не смогу даже словом возразить человеку, который держит меня за горло.

Я становлюсь противен сам себе.

Я встречаюсь с ним взглядом и какое-то мгновение гадаю, есть ли у него имя, прежде чем осознаю, что мне это совершенно безразлично.

– Считайте, что оно принято.

– Так точно, сэ...

– И в следующий раз, рядовой, не приближайтесь ко мне ближе чем на два метра, не спросив разрешения.

Он удивленно хлопает глазами.

– Сэр, я...

– Вы сбиты с толку, – обрываю я его. – Вы полагаете, что служба в распоряжении Верховного главнокомандующего дает вам право игнорировать нормы устава, обязательного для всех военнослужащих. Здесь вы глубоко ошибаетесь.

У него сжимаются челюсти.

– Никогда не забывайте, – продолжаю я очень тихо, – что, если бы я хотел занять вашу должность, я бы легко этого добился. И что человек, которому вы так преданно служите, научил меня стрелять, когда мне было девять лет.

У него раздуваются ноздри. Он смотрит прямо перед собой.

– Передайте подтверждение, рядовой. И запомните: никогда больше со мной не заговаривайте.

Он стоит по стойке смирно, глаза его смотрят куда-то мимо меня.

Я жду.

Не разжимая челюстей, он медленно берет под козырек.

– Можете идти, – говорю я.

Я запираю за собой дверь в спальню и прислоняюсь к ней. Мне нужно всего несколько секунд. Я тянусь к бутылочке, которую оставил на ночном столике, и вытряхиваю из нее две квадратные пилюли. Закидываю их в рот и жду, закрыв глаза, пока они рассосутся. Тьма за сомкнутыми веками – долгожданное облегчение.

До тех пор пока воспоминание о ее лице силой не вернет меня к действительности.

Я сажусь на кровать и опускаю голову на здоровую руку. Не надо бы сейчас думать о ней. У меня по горло бумажной работы, к тому же стресс от присутствия здесь отца не способствует душевному равновесию. Обед в его компании станет спектаклем. Душедробительным зрелищем.

Я крепко зажмуриваюсь и делаю слабое усилие, стараясь построить стены, которые наверняка помогут мне сосредоточиться. Но на сей раз у меня ничего не получается. Перед глазами настойчиво встает ее лицо, а ее дневник, лежащий в кармане, тянет меня к себе, словно магнитом. И тут я начинаю понимать, что в глубине души не хочу гнать от себя мысли о ней. В глубине души я даже наслаждаюсь этой пыткой.

Эта девушка разрушает меня.

Девушка, проведшая последний год в сумасшедшем доме. Девушка, которая не колеблясь пристрелит меня за попытку поцеловать ее. Девушка, сбежавшая с другим мужчиной, лишь бы убраться от меня подальше.

Ну как в такую не влюбиться!

Я зажимаю рот рукой.

Я схожу с ума.

Стаскиваю с себя ботинки. Забираюсь в кровать и ничком падаю на подушки.

Она спала здесь, думаю я. Спала совсем близко от меня. И проснулась здесь. Она была тут, а я позволил ей ускользнуть.

Я неудачник.

Я потерял ее.

Я даже не осознаю, что вытащил ее дневник из кармана, пока не вижу его у себя перед глазами. Я смотрю на него. Изучаю потертую обложку, пытаюсь понять, как ей удалось раздобыть блокнот. Наверное, где-нибудь украла, хотя я не совсем представляю где и как.

Есть масса вещей, о которых мне хочется ее расспросить. Как же много мне хочется ей сказать.

Затем я открываю дневник и начинаю читать.

Иногда я закрываю глаза и раскрашиваю стены в разные цвета.

Я представляю, что на мне теплые носки и я сижу у огня. Воображаю, что кто-то дал мне почитать книгу, чтобы отвлечь меня от пытки, терзающей мой рассудок. Мне хочется быть кем-то еще где-то еще кем-то еще, лишь бы занять свой ум. Мне хочется бежать и ощущать,

как ветер играет с моими волосами. Я хочу притвориться, что это лишь маленькая история внутри большой. Что эта палата – просто декорация, что это не мои руки, что это окно выведет меня в прекрасный мир, если я смогу разбить его. Я притворяюсь, что подушка чистая, а постель мягкая. Я притворяюсь-притворяюсь-притворяюсь до тех пор, пока мир за сомкнутыми веками не становится таким огромным, что перестает помещаться у меня в воображении. Но потом глаза мои открываются, а за горло меня хватают руки, которые душат-душат-душат.

Я думаю, что мысли скоро прояснятся.

Надеюсь, что рассудок мой ко мне вернется.

Дневник падает из разжавшейся руки мне на грудь. Я провожу здоровой рукой по лицу и по волосам. Я потираю шею и сажусь на кровати так резко, что ударяюсь головой о переднюю спинку, и это доставляет мне какое-то странное удовольствие. Пару секунд я наслаждаюсь болью.

Затем я беру дневник.

И переворачиваю страницу.

Интересно, что они думают? Мои родители. Интересно, где они? Интересно, все ли у них теперь хорошо, счастливы ли они, добились ли они того, к чему стремились? Интересно, будут ли у мамы еще дети. Интересно, смилостивится ли кто-нибудь и убьет меня, интересно, в аду лучше, чем здесь? Интересно, какое сейчас у меня лицо? Интересно, вдохну ли я когда-нибудь глоток свежего воздуха?

Мне так много всего интересно.

Иногда я не сплю и считаю все вокруг. Стены, трещины на них, пальцы на руках и ногах. Считаю пружины в матрасе, нитки в одеяле, шаги по диагонали комнаты. Свои зубы, каждый волос на голове и на сколько секунд я могу задержать дыхание.

Но иногда я так устаю, что забываю о том, что мне больше нельзя ничего хотеть, и обнаруживаю, что хочу того, чего мне хотелось всегда. Того, о чем я всегда мечтала.

Мне всегда хотелось иметь друга.

Я мечтаю об этом. Я пытаюсь представить, что такое дружба. Чтобы улыбаться и чтобы тебе улыбались в ответ. Чтобы кому-то доверять. Кому-то, кто не швыряет в меня чем попало, не сует мои руки в камин и не бьет меня за то, что я появилась на свет. Кому-то, кто узнает, что меня выбросили на помойку, и постарается меня отыскать, кто никогда не будет бояться меня.

Кому-то, кто знает, что я никогда не причиню ему боль.

Я сворачиваюсь калачиком в углу, прячу лицо в колени и раскачиваюсь туда-сюда-туда-сюда-туда-сюда, и хочу-хочу-хочу, и мечтаю о невозможном, пока не засыпаю вся в слезах.

Интересно, что значит – иметь друга?

И потом мне интересно, кого еще упекли в сумасшедший дом?

Интересно, кто издает какие-то крики?

Не я ли?

Я пытаюсь вернуться к действительности, внушая себе, что это всего лишь пустые слова, но это мираж. Поскольку почему-то просто читать эти слова для меня уже слишком, и меня трясет от одной мысли о том, сколько боли ей выпало вынести.

Сколько ей пришлось пережить.

В эту бездну безумия ее ввергли родители, всю жизнь издевавшиеся над ней и превратившие ее в изгой. Я никогда и ни к кому не испытывал сочувствия, но сейчас оно буквально захлестывает меня и упрямо тянет в мир, о котором я и вообразить не мог, что там окажусь. И хотя мне всегда казалось, что у нас с ней много общего, я и представить себе не мог, насколько велика эта общность.

Мысль об этом убивает меня.

Я встаю. Начинаю ходить по комнате до тех пор, пока не чувствую себя достаточно уверенно, чтобы продолжить чтение. Затем я делаю глубокий вдох.

И переворачиваю страницу.

Что-то начинает во мне бурлить.

Что-то такое, во что я никогда не смела вникать, что-то, в чем я боялась себе признаться. Какая-то часть меня хочет вырваться из клетки, куда меня посадили, бьется в двери моего сердца, рвется наружу.

Рвется на свободу.

Изю дня в день я чувствую, что переживаю один и тот же кошмар. Мне хочется кричать, биться, размахивать кулаками, но мои голосовые связки перерезаны, на моих руках — тяжелый груз, словно их закатали в бетон, я кричу, но меня никто не слышит, никто мне не поможет и не вытащит из смертельной западни.

Мне всегда приходилось подчиняться, унижаться, превращаться в безвольную клянчащую тряпку, чтобы всем остальным было хорошо и приятно. Мое существование превратилось в битву с целью доказать, что я безвредна, что никому не угрожаю, что я могу жить среди людей, не причиняя им боли.

Как же я устала устала-устала-устала, и иногда я так злюсь.

Не знаю, что со мной происходит.

– Господи, Джульетта, – с трудом выдыхаю я.

И падаю на колени.

– Немедленно приготовьте транспорт.

Мне надо вырваться отсюда. Сейчас же.

– Простите, сэр. То есть слушаюсь, сэр, разумеется... но куда?..

– Мне нужно проинспектировать контролируемые территории, – отвечаю я. – И я должен закончить поездку до обеда.

Это так и вместе с тем не так. Но мне необходимо занять себя хоть чем-нибудь, лишь бы на время забыть о дневнике.

– Да, конечно же, сэр. Позвольте вас сопровождать?

– В этом нет необходимости, лейтенант. Тем не менее благодарю вас.

– Я... с-сэр, – запинаясь он. – Разумеется, счастлив оказать вам...

Боже праведный, все-таки надо держать себя в руках. Я никогда не благодарю Делалье.

Похоже, я его чуть до инфаркта не довел.

– Я буду готов через десять минут, – обрываю я его.

Он смущенно замолкает. Затем я слышу:

– Слушаюсь, сэр. Спасибо, сэр.

Я зажимаю рукой рот, отпуская клавишу интеркома.

Глава 13

У нас были дома. Раньше.

Разные дома.

Одноэтажные. Двухэтажные. Трехэтажные.

Мы покупали фигурки для украшения лужаек, учились ездить на велосипедах без маленьких стабилизирующих колес. Мы покупали жизнь «под ключ» в готовых этажах и не могли изменить сюжетную «линию жизни», скрытую в балках и перекрытиях.

И мы какое-то время следовали этой линии жизни.

Мы шли по запрограммированному для нас сюжету, по прозе, заложенной в каждом квадратном метре нашего пространства. Мы довольствовались сюжетом, чьи перипетии лишь незначительно влияли на общий ход жизни. Мы расписывались на пунктирной линии за то, до чего нам не было никакого дела. Мы ели то, что не следует, тратили деньги на то, что не нужно, потеряли из виду Землю, на которой жили, и в результате лишились-лишились-лишились всего. Еды. Воды. Ресурсов.

Вскоре небо сделалось серым от химических выбросов, по растениям и животным ударили генетические мутации, а болезни укоренились и размножились в воздухе, в пище, в нашей плоти и крови. Еда исчезла. Люди умирали. Наша империя рассыпалась в прах.

Оздоровление заявляло, что поможет нам. Спасет нас. Перестроит общество.

Вместо этого оно разорвало нас на части.

Я обожаю объезжать контролируемые территории.

Было бы странно искать там покоя, однако в том, что видишь столько много гражданских на огромном открытом пространстве, есть что-то, что напоминает мне о моем долге. Я слишком подолгу нахожусь за неприступными стенами штаба Сектора 45, что начинаю забывать лица тех, против кого мы сражаемся, и тех, за кого мы боремся.

Мне нравится их вспоминать.

В большинстве случаев я посещаю какой-то отдельный квартал, я здороваюсь с жителями и расспрашиваю, как у них дела. Мне чрезвычайно любопытно, как им теперь живется. Потому что, в то время как для всех мир изменился, для меня он остался прежним. Регламентированным. Изолированным. Серым.

Когда-то давно мир был лучше, и мой отец не всегда пребывал в состоянии злобы и раздражения. Тогда мне было примерно четыре года. Он сажал меня на колени и разрешал шарить у него в карманах. Я мог оставить себе все, что угодно, если мои доводы звучали достаточно убедительно. Так он представлял себе игру.

Но все это было давно.

Я плотнее запахиваю шинель, чувствуя, как она прилегает к спине. И почему-то вздрагиваю.

Моя теперешняя жизнь – единственное, что имеет для меня значение. Душная рутина, роскошь, бессонные ночи и мертвые тела. Меня всегда учили, что главное – это власть и боль. Власть получаешь, боль причиняешь.

Я ни о чем не грущу.

И беру все, что возможно.

Это единственный известный мне способ жить в своем искореженном теле. Я выбрасываю из головы все, что докучает мне и отягощает мою душу, и наслаждаюсь теми маленькими радостями, которые случаются у меня. Я не знаю, что значит жить нормальной жизнью, не знаю, как посочувствовать гражданским, лишившимся крова. Мне неизвестно, как они жили, прежде чем Оздоровление взяло власть в свои руки.

Поэтому я обожаю объезжать контролируемые территории.

Мне нравится смотреть, как живут другие, нравится, что закон обязывает их отвечать на мои вопросы. Иначе я бы ничего не знал.

Однако я теряю чувство времени.

Я почти не смотрел на часы до выезда с базы и не догадывался, что до заката остается совсем немного. Большинство гражданских спешат по домам, согнувшись и съезжившись от холода, они направляются к своим металлическим коробкам, где живут еще как минимум три семьи.

Эти импровизированные дома построены из двенадцатиметровых транспортных контейнеров; они поставлены в ряд и друг на друга, образуя штабеля из четырех и шести «квартир». Каждый контейнер оборудован теплоизоляцией, двумя окнами и дверью. Лестницы на верхние этажи приварены по бокам. Крыши выложены пластинчатыми солнечными батареями, вырабатывающими электричество для каждого блока.

Эти постройки – моя гордость.

Потому что я их придумал.

Когда мы бились над тем, как и куда временно разместить гражданское население, я предложил использовать старые грузовые контейнеры, которых великое множество в любом порту. Они не только дешевы, просты в производстве и легко перестраиваются, но и легки, компактны и надежны. При минимальной переделке и высоком темпе работ можно за считанные дни обустроить тысячи жилых помещений.

Я подбросил эту идею отцу, считая это оптимальным вариантом и временным решением, гораздо лучшим, чем обычные палатки. Такие жилища куда надежнее защитят от дождя и снега. Однако результат настолько превзошел все ожидания, что Оздоровление не видело смысла что-то улучшать. Здесь, на месте прежней свалки, мы разместили тысячи контейнеров, образующих «кварталы» серых, безликих кубиков, за которыми очень легко следить.

Людам до сих пор говорят, что это временные жилища. Что в один прекрасный день они вернутся к прежней жизни, дивной и беззаботной. Но все это ложь.

Оздоровление не планирует переселять их.

Гражданские заперты в этих насквозь просматриваемых кварталах, контейнеры стали их камерами. Все пронумеровано. Дома, люди, степень их важности для Оздоровления.

Здесь они сделались частью вселенского эксперимента. Мира, где они работают на режим, кормящий их обещаниями, которые никогда не выполнит.

Это моя жизнь.

Сей жалкий мир.

Почти все время я чувствую себя так же загнанным в клетку, как и эти гражданские – вот поэтому я и приезжаю сюда. Это похоже на побег из одной тюрьмы в другую, это существование в замкнутом пространстве, где нет пристанища. Где даже твой рассудок предает тебя.

Я должен это превозмочь.

Больше десяти лет я провел в постоянных тренировках. Изо дня в день я оттачивал свои физические и умственные способности. Я выше среднего роста, и во мне семьдесят кило мускулов. Моя цель – выживание в самых невероятных условиях, и я чувствую себя наиболее комфортно, когда у меня в руках пистолет. Я в совершенстве освоил более ста пятидесяти

видов огнестрельного оружия. Я могу попасть в «десятку» почти с любого расстояния. Я могу убить человека ударом ребра ладони. Я могу временно обездвижить любого с помощью костяшек пальцев.

В боевой обстановке я могу напрочь отключить все эмоции. Я снискал репутацию холодного, бесчувственного чудовища, ничего не боящегося и готового переступить через кровь.

Но все это – иллюзия, мираж.

Потому что в действительности я трус – и ничего больше.

Глава 14

Солнце садится.

Скоро у меня не останется другого выбора, кроме как вернуться на базу, где мне придется слушать разговоры отца вместо того, чтобы всадить ему пулю между глаз.

Поэтому я тяну время.

Я стою и издалека наблюдаю, как дети бегают кругами, а родители зовут их домой. Думаю о том, что когда-нибудь они повзрослеют и поймут, что с помощью носимых ими регистрационных карточек Оздоровления отслеживается каждое их движение. Что деньги, которые зарабатывают их родители, вкалывая на заводах и фабриках, куда их определили, находятся под постоянным контролем. Эти ребяташки вырастут и наконец-то поймут, что каждое их слово записывается, любой разговор анализируется на малейшие намеки на бунт. Они не знают, что на каждого человека ведется досье, куда заносятся все данные о том, с кем они дружат, общаются и как работают, даже о том, как они проводят свободное время.

Мы знаем все обо всех.

Знаем слишком много.

Так много, что я порой забываю, что мы имеем дело с реальными живыми людьми, пока не увижу их в жилых кварталах. Я помню имена почти всех гражданских в Секторе 45. Мне нужно знать, кто живет на вверенной мне территории – и военные, и гражданские.

Именно так я, например, узнал, что рядовой Симус Флетчер, 45В-76423, каждый вечер бьет жену и детей.

Я узнал, что все свои деньги он тратит на выпивку, а его семья голодает. Я проследил электронные доллары, которыми он расплачивался в наших центрах снабжения, и осторожно понаблюдал за его семьей в реальной обстановке. Я выяснил, что все его трое детей младше десяти лет и целыми неделями сидят голодными. Я разузнал, что их постоянно водят к местному врачу с вывихами и прочими травмами. Что Флетчер ударил свою девятилетнюю дочку и рассек ей губу, сломал челюсть и выбил два передних зуба. Что его жена беременна. Мне также стало известно, что однажды вечером он ударил ее с такой силой, что наутро у нее случился выкидыш.

Я все это узнал, потому что был там.

Я останавливался у каждого жилого блока, разговаривал с гражданскими, расспрашивая их о здоровье и о том, как им живется, об условиях работы и о том, не заболел ли кто-нибудь и не надо ли его отправить в карантин.

В тот день я видел ее. Жену Флетчера. От перелома носа лицо у нее отекло, а глаза еле открывались. Она была такая бледная, худенькая и хрупкая, что мне показалось, будто она разломится пополам, стоит ей только сесть. Но когда я спросил ее о травмах, она отвела взгляд. Ответила, что упала и из-за этого падения потеряла ребенка и умудрилась сломать нос.

Я кивнул. Поблагодарил ее за то, что ответила на мои вопросы.

А чуть позже объявил построение.

Мне хорошо известно, что большинство моих подчиненных постоянно что-то воруют со складов. Я регулярно отслеживаю баланс прихода и расхода и знаю о всех недостатках. Но я закрываю глаза на подобные нарушения, поскольку они не грозят устоям системы. Несколько лишних буханок хлеба или кусков мыла способствуют поднятию духа среди солдат – они лучше несут службу, когда сыты и здоровы, и большинство из них содержат жен, детей и родственников. Так что я иду на такую «уступку».

Но есть вещи, которые я не прощаю.

Я не считаю себя моралистом. Я не философствую о смысле жизни и не обращаю особого внимания на законы и принципы, которыми руководствуется большинство людей. Я не претендую на знание разницы между добром и злом. Но я придерживаюсь некоего определенного кредо. И иногда мне кажется, что нужно уметь стрелять первым.

Симус Флетчер медленно убивал свою семью. И я всадил ему пулю в лоб, поскольку считал, что это гуманнее, чем разорвать его голыми руками.

Однако мой отец продолжил «дело» Флетчера. Он приказал расстрелять троих детей вместе с матерью только за то, что этот пьяный ублюдок содержал их. Он был им отцом и мужем и стал причиной их жуткой смерти.

Иногда я теряюсь в догадках, почему я до сих пор жив.

Глава 15

Вернувшись на базу, я сразу направляюсь в бункер.

Спускаясь вниз, я не обращаю внимания на солдат и их приветствия, на странное выражение любопытства и тревоги, читающееся на их лицах. Я не сразу понимаю, куда иду, пока не оказываюсь в штабе, но мое тело знает больше о том, что мне нужно, нежели мой рас-судок. Моя тяжелая поступь эхом отдается в узких бетонных коридорах, когда я спускаюсь все ниже.

Я не был здесь почти две недели.

Со времени моего последнего прихода сюда зал отремонтировали: заменили стеклянную панель и восстановили бетонную стену. И, насколько мне известно, она была последней, кто находился в этом помещении.

Я сам ее сюда привел.

Прохожу через несколько двойных вращающихся дверей и оказываюсь в раздевалке по соседству с испытательным стендом. В темноте моя рука нащупывает выключатель: лампочка мигает, прежде чем зажечься. Распределитель и стены начинают тихо гудеть. Тишина и никого кругом.

Все так, как мне нравится.

Я раздеваюсь быстро, насколько мне позволяет раненая рука. До «званного обеда» у отца остается еще два часа, так что спешить не стоит, однако нервы у меня на пределе. Кажется, что на меня наваливается все сразу. Мои неудачи. Моя трусость. Моя глупость.

Иногда я чувствую дикую усталость от жизни.

Я стою босиком на бетонном полу, чертыхаясь оттого, что рана все время мне мешает. Я вытаскиваю из своего ящичка шорты и быстро надеваю их, опираясь о стену, чтобы не упасть. После этого я захлопываю дверцу и иду в соседнюю комнату.

Я щелкаю еще одним выключателем, и тут же оживает главный пульт управления. Компьютеры пикают и мигают, пока загружается программа. Я пробегаю пальцами по клавиатуре.

Эти залы используются для ситуационного моделирования.

С помощью особых технологий мы моделируем пространства и процессы, существующие лишь в человеческом воображении. Мы создаем не только общий фон, но и мельчайшие детали. Звуки, запахи, ложный разум, паранойю. Изначально программа предназначалась для подготовки солдат к специальным заданиям, а также для того, чтобы помочь им преодолеть специфические фобии, которые могут охватить их на поле боя.

Я использую эту программу в своих целях.

До ее прибытия на базу я приходил сюда очень часто. Это было мое убежище, где я мог укрыться от окружающего мира. Жаль только, что сюда нельзя зайти в форме. Шорты жесткие и неудобные, полиэстер колется и раздражает кожу. Но на них нанесен специальный состав, реагирующий на кожу и передающий информацию датчикам. Это облегчает мое перемещение в ситуацию, когда я смогу пробежать несколько километров, так и не наткнувшись на окружающие меня реальные стены. Для наиболее полной виртуализации на мне должен быть минимум одежды. Сверхчувствительные камеры реагируют на изменение температуры тела, так что им лучше не контактировать с посторонними материалами.

Надеюсь, этот недостаток устроят в следующей версии программы.

Мастер моделирования запрашивает информацию. Я быстро ввожу код доступа, чтобы увидеть список своих последних моделей. Я задумчиво смотрю вверх, пока компьютер обрабатывает данные, бросаю взгляд на новое двустороннее зеркало, сквозь которое виден глав-

ный рабочий зал. До сих пор не могу поверить, что она пробила стену из стекла и бетона, не получив при этом ни единой царапины.

Просто невероятно.

Компьютер дважды пикает, и я сразу принимаю к монитору. Программы в моей личной папке загружены и готовы к запуску.

Ее файл – в самом верху списка.

Я делаю глубокий вдох, стараясь отогнать воспоминание. Я не жалею о том, что заставил ее пережить весь тот ужас. Не знаю, смогла бы она ослабить самоконтроль и стать самой собой, если бы я не нашел действенного способа спровоцировать ее. В конце концов, я искренне верю, что это помогло ей, как я и хотел. Однако я и подумать не мог, что вскоре после этого она наставит на меня пистолет и выпрыгнет из окна.

Я делаю еще один глубокий вдох.

И выбираю модель, ради которой и пришел сюда.

Глава 16

Я стою в главном рабочем зале.
Напротив своей копии.
Это очень простая модель. Я не менял ни одежду, ни волосы, ни ковры на полу. Я просто создал дубликат самого себя и дал ему в руки пистолет.
Он, не мигая, смотрит на меня.

Один.

Он чуть наклоняет голову.
– Ты готов? – Пауза. – Боишься?
Мой пульс учащается.
Он поднимает руку. Чуть заметно улыбается.
– Не волнуйся, – говорит он. – Осталось немного.

Два.

– Еще чуть-чуть, и я уйду, – продолжает он, целясь мне прямо в лоб.
Мои ладони покрываются ледяным потом. Сердце бешено бьется.
– Все будет хорошо, – лжет он. – Обещаю.

Три.

Ба-бах.

Глава 17

– Ты уверен, что не голоден? – спрашивает отец, не переставая жевать. – Очень вкусно, поверь мне.

Я ерзаю на стуле. Смотрю на идеальные стрелки на своих брюках.

– Ну, так как? – продолжает он. Мне кажется, что я слышу, как он улыбается.

Я почти физически чувствую на себе взгляды солдат, стоящих вдоль стен. Они всегда сопровождают его и всегда перед ним выслуживаются. Их первым заданием было определить, кто из одиннадцати является слабым звеном. Предоставившему самые убедительные доводы полагалось избавиться от этого звена.

Мой отец находит подобные «тренинги» весьма забавными.

– Боюсь, что я и вправду не голоден. Это лекарство, – вру я, – снижает аппетит.

– Ах, ну да, – произносит он. Я слышу, как он кладет вилку и нож. – Разумеется. Неприятный побочный эффект.

Я не отвечаю.

– Оставьте нас.

Два слова – и его люди исчезают за дверью в течение нескольких секунд.

– Посмотри на меня, – говорит он.

Я поднимаю взгляд, стараясь тщательно скрыть все эмоции. Ненавижу его лицо. Я не могу долго на него смотреть, не выдерживаю его нечеловеческого взгляда. Он не терзается тем, что он делает и как живет. Наоборот, он наслаждается этим. Он упивается властью и считает себя несокрушимым.

И в какой-то мере он прав.

Я еще раз убеждаюсь в том, что самый опасный человек на свете тот, кому неведомы угрызения совести. Тот, кто никогда не прощает и поэтому не ищет прощения. Потому что, в конце концов, слабыми нас делают чувства, а не поступки.

Я отворачиваюсь.

– Так что же ты нашел? – спрашивает он безо всяких предисловий.

Я тотчас же мысленно обращаюсь к дневнику, лежащему у меня в кармане, но не шевелюсь. Мне нельзя вздрагивать. Люди зачастую забывают, что лгут ртом, а правду говорят глазами. Приведите человека, который что-то спрятал, в отдельную комнату и спросите, где он это спрятал. Он скажет, что ничего не знает, что он вообще ничего не прятал, но почти всегда взгляд его будет направлен на «тайник». И сейчас я знаю, что отец пристально наблюдает за мной и ждет, куда я посмотрю и что отвечу.

Я расслабляю плечи и делаю едва заметный вдох, чтобы унять сердцебиение. Я не реагирую на его вопрос, притворившись, что погружен в свои мысли.

– Сынок?

Я поднимаю глаза. В них наигранное изумление.

– Что?

– Что ты нашел? Когда сегодня обыскивал ее комнату?

Выдох. Я качаю головой, откидываясь на спинку стула.

– Битое стекло. Разворошенную постель. Открытый платяной шкаф. Она взяла только зубную щетку и смену белья. Все остальное на месте.

И это правда.

Я слышу, как он вздыхает. Затем отодвигает тарелку.

Я чувствую, как ее дневник жжет мне бедро.

– И ты говоришь, что не знаешь, куда она могла направиться?

– Мне лишь известно, что она скорее всего вместе с Кентом и Кисимото, – отвечаю я. – Делалье утверждает, что они угнали машину, но ее след внезапно пропал на краю пустоши. Патрули прочесывают местность вот уже несколько дней, но так ничего и не обнаружено.

– И где же, – интересуется он, – ты думаешь искать их дальше? Ты считаешь, что они могли перейти в другой сектор? – Он умолкает, явно довольный заданным вопросом.

Я смотрю на его улыбающееся лицо.

Он задает мне вопросы лишь для того, чтобы проверить меня. На самом деле у него есть и ответы, и готовое решение. Он хочет увидеть, как я опозорюсь, ответив неверно. Он пытается доказать, что без него я сделаю все не так.

Он издевается надо мной.

– Нет, – отвечаю я спокойным, ровным тоном. – Не думаю, что они такие идиоты, чтобы перейти в другой сектор. У них нет ни допуска, ни средств, ни сил. Оба солдата серьезно ранены, к тому же с большой кровопотерей, и они находятся далеко от каких бы то ни было медицинских учреждений. Сейчас они скорее всего уже мертвы. Девушка, очевидно, единственная, кто уцелел, и она не могла уйти далеко, поскольку совершенно не ориентируется в тех местах. У нее притупилось чувство пространства, и там она словно на другой планете. К тому же она не умеет водить машину, и если бы ей каким-то образом удалось завладеть транспортным средством, нам бы сразу же сообщили об угоне. Учитывая ее общее состояние, граничащее с истощением, и полное отсутствие пищи, воды и медицинской помощи, можно заключить, что она потеряла сознание в радиусе пяти-шести километров от этой пустоши. Нам необходимо найти ее, пока она не замерзла насмерть.

Отец откашливается.

– Да, – произносит он, – это весьма любопытные предположения. И в стандартной ситуации они бы, возможно, оправдались. Но ты забываешь одну немаловажную деталь.

Я встречаюсь с ним взглядом.

– Она не такая, как все, – говорит он. – И она не единственная в своем роде.

У меня учащается пульс. Я часто моргаю.

– Ах, ну конечно же, ты догадывался, да? Вывел это для себя, так? – смеется он. – Представляется даже статистически невозможным, что она единственная ошибка, совершенная нашим миром. Ты знал это, но не хотел в это поверить. И я прибыл сюда, чтобы сказать тебе – так оно и есть.

Он смотрит на меня, чуть наклонив голову. Улыбается широкой, располагающей улыбкой.

– Таких, как она, много. И они перетянули ее на свою сторону.

– Нет, – выдыхаю я.

– Они внедрились в твои войска. Тайно действовали среди вас. И вот теперь они украли твою игрушку и сбежали с ней. одному богу ведомо, как они станут манипулировать ею в своих целях.

– Откуда у тебя такая уверенность? – спрашиваю я. – Откуда ты знаешь, что им удалось забрать ее с собой? Кент уже еле дышал, когда...

– Прислушайся к моим словам, сынок. Я говорю тебе, что они не такие, как все. Они не играют по твоим правилам и не следуют привычной тебе логике. Ты не представляешь, на какие «странности» они способны. – Пауза. – Более того, мне давно известно, что в этом районе у них есть целая подпольная группа. Однако все эти годы они никак себя не проявляли. Они не препятствовали моим методам, и я счел за лучшее предоставить им вымереть самим по себе, если они не станут сеять среди гражданских излишнюю панику. Ты, конечно же, понимаешь меня, – говорит он. – В конце концов, ты ведь с трудом справлялся всего лишь с одной из них. Им чрезвычайно трудно противостоять.

– Так ты знал? – Я резко вскакиваю, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. – Все это время ты знал об их существовании и ничего не делал? Ты молчал?

– В этом не было необходимости.

– А теперь? – спрашиваю я.

– А теперь такая необходимость возникла.

– Невероятно! – Я всплескиваю руками. – И ты скрывал от меня всю эту информацию! Зная все мои планы относительно ее... зная, каких трудов мне стоило доставить ее сюда...

– Успокойся, – произносит он. Он потягивается, затем закидывает ногу на ногу. – Мы найдем их. Пустошь, о которой говорит Делалье, – это место, где машина исчезла с экранов радаров? Там и начнем искать. Скорее всего они прячутся под землей. Мы должны найти вход и тихо уничтожить их внутри логова. Затем мы примерно накажем вожаков и самых отъявленных, а остальных заберем, чтобы в наших людях в зародыше задавить всякую мысль о неповиновении и бунте.

Он подается вперед.

– Гражданские все слышат и все знают. И именно теперь их охватила очередная волна оптимизма. Они воодушевились тем, что кто-то смог сбежать и при этом тебя ранили. Поэтому им кажется, что мы ослабли и с нами легко справиться. Мы должны искоренить подобные мысли, восстановив прежнее положение вещей. Страх расставит все по своим местам.

– Но они же ищут, – возражаю я. – Мои люди. Каждый день они прочесывают весь район и ничего не находят. Почему мы должны быть уверены в том, что хоть что-то обнаружим?

– Потому, – отвечает он, – что поиски возглавишь лично ты. Каждую ночь. После наступления комендантского часа, когда все гражданские спят. Дневное патрулирование прекратить, это лишит гражданских повода для болтовни. Действуй осторожно, сынок. Не раскрывай своих ходов. Я останусь на базе и буду координировать твои действия через своих подчиненных. Если мне понадобится что-то надиктовать, я возьму Делалье. А тем временем ты обязательно найдешь их, чтобы я мог нейтрализовать их как можно скорее. Партия слишком затянулась, – подытоживает он, – так что пора покончить с благодушием.

Глава 18

Мне жаль. Мне очень жаль. Мне очень-жаль-очень-жаль-очень-жаль-очень жаль. Мне очень-жаль-очень-жаль-очень жаль. Мне очень жаль. Мне очень жаль. Мне очень-жаль-очень-жаль-очень-жаль-очень-жаль-очень-жаль. Мне очень жаль. Мне очень-жаль-очень-жаль-очень-жаль-очень-жаль. Мне очень жаль. Мне очень-жаль-очень-жаль-очень-жаль. Мне очень жаль, очень жаль, пожалуйста, прости меня.

Это была ужасная случайность.

Прости меня.

Пожалуйста, прости меня.

Я стараюсь, чтобы окружающие знали обо мне как можно меньше. Еще меньше я рассказываю о себе сам. Есть кое-что, о чем я никогда никому не говорю.

Я люблю подолгу принимать ванну.

Сколько себя помню, я всегда был одержим чистотой. Я так глубоко увяз в кровавом месиве, что компенсирую это, как мне кажется, своим почти что маниакальным стремлением к чистоте. Я часто принимаю душ. Чищу зубы три раза в день. Подстригаюсь раз в неделю. Тру руки щеткой перед сном и после него. У меня нездоровая привычка носить только свежестыранную одежду. И всегда, когда я испытываю эмоциональные перегрузки, единственное, чем я могу успокоить нервы, – это всласть поплавать в ванне.

Именно этим я сейчас и занимаюсь.

Врачи научили меня накладывать на раненую руку водонепроницаемую повязку из пластика, так что я могу «нырять», сколько мне вздумается. Я погружаюсь в воду, задержав дыхание, и выдыхаю через нос. Я слышу, как булькают крохотные пузырьки воздуха.

Теплая вода дарит мне чувство невесомости. Она смывает с меня все заботы, словно понимает, что мне нужно сбросить это бремя. Закрывать глаза и расслабиться.

Я чуть-чуть всплываю.

Я не открываю глаз, из-под воды торчат лишь мой нос и губы. Я дышу ровно и неглубоко, стараясь сбросить напряжение. Уже так поздно, что я не знаю, который час. Я только чувствую, что температура значительно понизилась и прохладный воздух щекочет мне нос. Какое странное ощущение, когда почти все тело погружено в ласковую теплую воду, а носу и рту холодно.

Я снова погружаюсь в воду.

Как бы хорошо пожить здесь, думаю я. Где мне неизвестно земное притяжение. Где я свободен от бремени и не стянут путами обыденной жизни. Здесь у меня другое тело, другая оболочка, и руки друзей поднимают меня ввысь. Сколько раз мне хотелось заснуть, укрывшись этим одеялом.

Я погружаюсь чуть глубже.

Всего за неделю моя жизнь перевернулась вверх дном.

Мои цели не те, что прежде. Сосредоточиться – об этом не может быть и речи. Все мои помыслы обращены к одному человеку, и впервые в жизни я сам не свой. Ее слова врезались мне в мозг, словно клеймо каленым железом. Она неотступно стоит у меня перед глазами, и я навязчиво пытаюсь представить себе все, через что ей пришлось пройти. Я нашел ее дневник, и это окончательно подкосило меня. Мои чувства к ней стремительно вышли из-под контроля. Мне никогда так отчаянно не хотелось увидеть ее и поговорить с ней.

Я хочу, чтобы она знала, что теперь я понял все, чего не понимал прежде. Что мы с ней – почти близнецы; у нас столько общего, что я и вообразить себе не мог.

Но теперь она далеко. Она сбежала с какими-то чуждыми ей людьми, которые ее совсем не знают и не станут заботиться о ней так, как это сделал бы я. За несколько мгновений она перенеслась в совершенно другой мир, и я очень переживаю за нее. Человек вроде нее и с ее прошлым отнюдь не сразу приспособляется к новой жизни. И теперь должно произойти одно из двух: либо она полностью замкнется в себе, либо она взорвется.

Я рывком встаю, хватая ртом воздух.

Убираю падающие на глаза волосы. Прислоняюсь к мозаичной стене, позволив прохладному воздуху успокоить меня, привести мои мысли в порядок.

Мне необходимо найти ее прежде, чем она сломается.

Раньше я никогда не горел желанием помочь своему отцу, никогда не соглашался с его доводами и методами. Но теперь я готов пойти на все, лишь бы вернуть ее.

И я жду не дождусь возможности свернуть Кенту шею.

Предатель. Ублюдок. Идиот, возомнивший, что ему досталась хорошенькая девушка. Он и понятия не имеет, кто она на самом деле. И как она себя проявит.

И если он думает, что хоть немного подходит ей, он куда больший идиот, нежели я предполагал.

Глава 19

– А где кофе? – спрашиваю я, оглядывая стол.

Делалье роняет вилку, она с грохотом падает на тарелку. Он смотрит на меня выпученными глазами:

– Как вы сказали, сэр?

– Я хочу попробовать, – отвечаю я, левой рукой намазывая масло на тост. Бросаю на него беглый взгляд. – Вы ведь всегда говорите о кофе. Так что я подумал...

Не говоря ни слова, Делалье буквально подпрыгивает со стула. Мчится к двери.

Я беззвучно хохочу, глядя в свою тарелку.

Делалье сам вкатывает сервировочный столик с чаем и кофе и располагает его рядом с моим стулом. У него трясутся руки, когда он наливает темную жидкость в чайную чашку, ставит ее на блюдце, потом на стол и пододвигает ко мне.

Я жду, пока он наконец не усядется, и делаю маленький глоток. Это какой-то странный, нестерпимо горький напиток. Совсем не то, что я ожидал. Я мельком смотрю на него, удивленный тем, что такой человек, как Делалье, начинает день с такого крепкого напитка с отвратительным вкусом. Кажется, я начинаю его за это уважать.

– Не так уж и ужасно, – замечаю я.

Он расплывается в такой широкой и довольной улыбке, что я сомневаюсь, правильно ли он меня расслышал. Он весь светится, когда говорит:

– Я обычно добавляю сливки и сахар. Гораздо вкуснее и...

– Сахар. – Я ставлю чашку на блюдце. Сжимаю губы, скрывая улыбку. – Кладете сахар. Конечно же. Так намного вкуснее.

– Не хотите ли попробовать, сэр?

Я жестом останавливаю его и отрицательно качаю головой.

– Отзовите поисковые партии, лейтенант. Мы прекращаем дневное патрулирование и переходим на ночное, после наступления комендантского часа. Вы остаетесь на базе, – говорю я ему, – где Верховный будет отдавать приказы через своих подчиненных. Выполняйте все его распоряжения по мере их поступления. Я сам поведу группу. – Я делаю паузу. Смотрю ему в глаза. – Никаких утечек быть не должно. Ничего, что могло бы дать гражданским повод для ненужных разговоров. Вам ясно?

– Так точно, сэр, – отвечает он, забыв о кофе. – Я тотчас же отдам приказ.

– Хорошо.

Он встает.

Я киваю.

Он уходит.

С тех пор как она исчезла, я впервые чувствую какую-то надежду. Мы найдем ее. Теперь, обладая новыми сведениями и выставив целую армию против жалкой шайки бунтовщиков, кажется невозможным, что мы потерпим неудачу.

Я делаю глубокий вдох. Затем отпиваю еще глоток этого кофе.

И с удивлением обнаруживаю, насколько мне нравится его горький вкус.

Глава 20

Он уже ждет меня, когда я возвращаюсь в свои апартаменты.

– Приказ отдан, – говорю я, не глядя в его сторону. – Сегодня вечером мы выступаем. – Секунду я раздумываю. – А теперь прошу меня извинить, у меня еще масса дел.

– Каково это, – спрашивает он, – чувствовать себя калекой? – Он улыбается. – Как ты сам себе не противен, когда знаешь, что тебя подстрелил твой же подчиненный?

Я останавливаюсь у двери, ведущей в кабинет.

– Что тебе нужно?

– Что же, – произносит он, – ты такого нашел в этой девчонке?

У меня мурашки по спине бегут.

– Она ведь для тебя нечто большее, чем просто эксперимент, так ведь?

Я медленно поворачиваюсь к нему. Он стоит посреди комнаты, засунув руки в карманы, и улыбается какой-то презрительно-гадливой улыбкой.

– Ты это о чем?

– Полюбуйся на себя, – отвечает он. – Я еще даже имени ее не произнес, а ты уже весь раскис. – Он сокрушенно качает головой, не переставая изучать меня. – Поблуднел, сжал здоровую руку в кулак. Задыхаешься и весь напрягся. – Пауза. – Ты выдал себя, сынок. Ты считаешь себя очень умным, – продолжает он, – однако забываешь, кто научил тебя владеть собой.

Меня бросает то в жар, то в холод. Я пытаюсь разжать кулак, но не могу. Я хочу сказать ему, что он ошибается, но вдруг чувствую, что меня качает, и жалею, что как следует не позавтракал. И тут же жалею, что вообще завтракал.

– У меня работа, – выдавливаю я из себя.

– Скажи мне, – не унимается он, – что тебе наплевать, если она погибнет вместе с остальными.

– Что-что? – нервно срывается с моих губ.

Мой отец опускает взгляд. Нервно сжимает и разжимает руки.

– Ты меня так часто разочаровывал, – произносит он обманчиво мягким тоном. – Прошу тебя, пусть на сей раз этого не случится.

На какое-то мгновение мне кажется, словно я существую вне своего тела, как будто я смотрю на себя со стороны. Я вижу свое лицо, раненую руку, ноги, которые вдруг перестают меня держать. По лицу моему идут трещины, потом по рукам, по груди, по ногам.

Я представляю себе, что это значит – разваливаться на части.

Я не отдаю себе отчета, что он назвал меня по имени, пока он дважды не повторяет его.

– Что тебе от меня нужно? – спрашиваю я, поражаясь своему спокойному тону. – Ты без разрешенияходишь ко мне, стоишь здесь и предъявляешь мне обвинения, в которые у меня нет времени вникать. Я исполняю твои распоряжения и приказы. Вечером мы выступаем, и мы найдем их логово. Ты сможешь разделаться с ними, когда тебе будет угодно.

– А как же твоя девчонка? – интересуется он. – Твоя Джульетта?

При упоминании ее имени я вздрагиваю. Пульс у меня так частит, что становится почти нитевидным.

– Что ты почувствуешь, если я трижды прострелю ей голову? – Он пристально смотрит мне прямо в глаза. – Разочарование, поскольку ты лишился любимого проекта? Или скорбь, потому что ты потерял любимую?

Время словно замедляется, окутывая меня вязкой пеленой.

– Будет печально, – отвечаю я, стараясь не обращать внимания на дрожь, от которой у меня подгибаются колени, – потерять то, на что я потратил так много времени.

Он улыбается.

– Приятно слышать, что ты трезво смотришь на вещи, – одобрительно кивает он. – И любому проекту, в конце концов, легко отыскать замену. Я уверен, что мы найдем более практичное и рациональное применение твоему времени.

Я медленно закрываю и открываю глаза. Одну половину груди словно судорогой свело.

– Разумеется, – слышу я свой голос.

– Я знал, что ты меня поймешь. – Он хлопает меня по раненому плечу, отчего у меня чуть не подгибаются колени. – Ты прекрасно поработал, сынок. Однако она отняла у нас массу времени и ресурсов, а в результате оказалась совершенно бесполезной. Таким образом, мы избавимся сразу от нескольких неблагоприятных факторов. Отнесем ее к сопутствующим потерям.

Он одаривает меня лучезарной улыбкой, прежде чем поворачивается и направляется к двери.

Я прислоняюсь к стене.

И медленно сползаю на пол.

Глава 21

Почаще сглатывай слезы, и начнет казаться, что в горле у тебя кислота.

Как же ужасно, когда сидишь тихо, так тихо так тихо, потому что не хочешь, чтобы видели, как ты плачешь не хочешь плакать, но губы все дрожат, а слезы вот-вот брызнут из глаз пожалуйста-молю-тебя-пожалуйста-прости-меня-пожалуйста-сжался, может, на этот раз все будет по-другому, но все всегда одно и то же. Не к кому бежать за утешением. Некому довериться.

Зажги по мне свечу, шепчу я в пустоту.

Кто-то.

Кто-нибудь.

Если ты есть.

Скажи мне, что чувствуешь ее пламя.

Пять дней патрулирования – и ровным счетом ничего. Каждый вечер я веду группу, мы идем по безмолвной, скованной зимним холодом местности. Мы ищем скрытые проходы, замаскированные люки – любые знаки того, что под ногами у нас другой мир.

И каждую ночь возвращаемся на базу ни с чем.

Безрезультатные рейды последних нескольких дней, их ни к чему не приводящая напряженность наваливаются на меня, притупляя мои чувства, и повергают меня в какое-то оцепенение, которое я не в силах превозмочь. Каждый день я просыпаюсь и начинаю искать решение проблем, которые сам себе создал, но не могу найти.

Если она где-то там, он отыщет ее. И убьет.

Просто чтобы преподать мне урок.

Моя единственная надежда – найти ее первым. Возможно, я смогу ее спрятать. Или отпустить, сказав, куда идти. Или обставить все так, как будто она погибла. Или мне удастся убедить его, что она другая, лучше остальных, что ее надо оставить в живых.

Я рассуждаю, как жалкий, отчаявшийся идиот.

Я словно вернулся в детство и прячусь по темным углам в надежде, что он меня не найдет. Что, может быть, все обойдется. Что, может, в этот раз мама не будет кричать.

Как же быстро я становлюсь другим в его присутствии.

Я оцепенел.

Я выполняю свои обязанности с каким-то механическим усердием – это требует минимальных усилий. Двигаться – это достаточно легко. Принимать пищу – к этому я уже привык.

Я не могу оторваться от ее дневника.

Иногда у меня щемит сердце, но я все же переворачиваю страницы. У меня такое чувство, что я бьюсь о невидимую стену, как будто на голову мне натянули пластиковый пакет, и я не могу дышать, ничего не вижу и ничего не слышу, кроме грохота своего сердца.

В своей жизни я хотел очень немногого.

Я ни у кого ничего не просил.

И теперь я прошу лишь одного – дать мне еще один шанс. Возможность снова увидеть ее. Но если я не смогу найти способа остановить его, для нее у меня останутся лишь эти слова.

Эти абзацы и предложения. Эти буквы.

Меня охватила какая-то одержимость. Я везде ношу с собой ее дневник, каждую свободную минуту я пытаюсь разобрать слова, нацарапанные ею на полях, сочиняю истории по цифрам, которые она написала.

Я также заметил, что в блокноте не хватает последней страницы. Она вырвана.

Я все время гадаю зачем. Я сто раз тщательно просмотрел дневник в поисках других вырванных страниц, но ничего не нашел. Я чувствую себя в какой-то степени обманутым, зная, что есть фрагмент, который я мог пропустить. Это ведь даже не мой дневник, и ко мне он не имеет никакого отношения, но я столько раз перечитывал написанные ею слова, что они стали почти моими. Я выучил их почти наизусть.

Как это странно – видеть ее душу, не видя ее самой. Мне кажется, что она здесь, прямо передо мной. Мне кажется, что я знаю ее очень близко. В окружении ее слов я чувствую себя в безопасности, почти желанным гостем. Понятым и принятым настолько, что порой я забываю, что именно она всадила пулю мне в руку.

Я почти забываю, что она продолжает ненавидеть меня, несмотря на то что я в нее влюбился.

А я действительно влюбился.

Безоглядно.

До безумия. И я прошел через него. Никогда в жизни я не ощущал ничего подобного. Мне знакомы стыд и трусость, слабость и сила. Я познал ужас и равнодушие, самоуничтожение и отвращение. Я видел то, что доводится увидеть далеко не каждому.

И все же я не испытывал ничего похожего на это жуткое, ужасное, парализующее волю чувство. Я чувствую себя искалеченным. Отчаявшимся и теряющим контроль над собой. И с каждым днем мне становится все хуже. Передо мной разверзается бездна, где нет ничего, кроме боли.

Любовь – это жестокая, бездушная тварь.

Я свожу себя с ума.

Я падаю на кровать прямо в одежде. В куртке, в ботинках, в перчатках. Я так устал, что не осталось сил снять их. Из-за этих ночных рейдов у меня почти не остается времени на сон. Такое ощущение, что усталость вьелась во все поры.

Моя голова касается подушки. Я моргаю. Потом еще раз.

И отключаюсь.

Глава 22

– Нет, – слышу я свой голос, – тебе нельзя здесь находиться.

Она сидит на моей постели, подперев голову рукой и вытянув скрещенные ноги. И хотя какая-то часть меня осознает, что это сон, другая часть, куда более сильная, не хочет соглашаться с этим. В глубине души мне хочется верить, что она действительно здесь, в нескольких сантиметрах от меня, одетая в короткое, облегающее платье, подчеркивающее ее формы. Но что-то в ней изменилось, цвета какие-то необычные, да и сама она словно трепещет. Ее губы приобрели насыщенный розовый оттенок, а глаза кажутся больше и темнее. На ней туфли, которые она раньше никогда бы не надела. И самое странное – она мне улыбается.

– Привет, – шепчет она.

Всего лишь слово – и мое сердце бешено бьется. Я отодвигаюсь от нее, чуть не ударившись головой о переднюю спинку кровати, и вдруг понимаю, что рана на плече исчезла. Я осматриваю себя. Обе руки действуют одинаково. На мне лишь футболка и шорты.

Она быстро меняет позу, встав на колени, и медленно подползает ко мне. Потом обхватывает меня ногами за талию. Я дышу часто-часто.

Ее губы почти касаются моего уха. Она еле слышно шепчет:

– Поцелуй меня.

– Джульетта...

– Я так долго шла к тебе.

Она продолжает улыбаться. Такой особенной улыбкой она никогда раньше меня не одаривала. Но теперь она моя. Она моя, она прекрасна, она хочет меня, и я не стану этому противиться.

Не захочу.

Ее руки стягивают с меня футболку. Она швыряет ее на пол. Наклоняется и целует меня в шею. Мои веки смыкаются.

Во всей Вселенной не найдется слов, чтобы описать то, что я чувствую.

Ее руки гладят меня по груди, по животу, ее пальцы скользят по резинке шортов. Волосы падают ей на лицо, щекоча мою кожу, и я сжимаю кулаки, чтобы тотчас не завалить ее на кровать.

Все мои нервные окончания пылают. Никогда в жизни я не был так отчаянно счастлив, и я уверен, что, если бы она слышала то, что я думаю, она бы убежала и никогда не вернулась.

Потому что я хочу ее.

Сейчас.

Здесь.

Везде.

Я хочу, чтобы нас ничто не разделяло.

Я хочу снять с нее одежду, включить свет и как следует разглядеть ее. Я хочу стянуть с нее платье и не спеша изучить каждую складочку ее тела. Я не могу отвести от нее взгляд, я жадно впитываю все ее черты: изгиб носа, округлость бедер, изящную линию подбородка. Я хочу пробежаться пальцами по нежной коже ее шеи и спуститься вниз. Я хочу, чтобы она навалилась на меня всем телом, обвилась вокруг меня.

Не ведаю причин, почему это не может быть реальностью. Я лишь вижу, что она сидит на мне, касается моей груди и смотрит мне в глаза, словно действительно любит меня.

Меня пронзает мысль: а не умер ли я?

Но как только я тянусь к ней, она отстраняется, усмехнувшись и заведя руку за спину, продолжая смотреть мне в глаза.

Ее слова кажутся мне как-то странно знакомыми.

– Не волнуйся, – шепчет она. – Осталось недолго.
– Нет. – Я часто моргаю и снова тянусь к ней. – Что значит – недолго?
– Все будет хорошо, – произносит она. – Обещаю.
– Нет...
Но теперь в руке у нее пистолет.
Направленный мне прямо в сердце.

Глава 23

Эти буквы – все, что у меня осталось.

Двадцать шесть друзей, которым я рассказываю истории.

Двадцать шесть букв английского алфавита – это все, что мне нужно. Я шиваю их и создаю океаны и экосистемы. Я складываю их в планеты и солнечные системы. Из букв я строю небоскребы и города, населенные людьми, вещами и мыслями, которые для меня куда реальнее, чем эти четыре стены.

Чтобы жить, мне не надо ничего, кроме букв. Без них я не существую.

Потому что написанные мной слова – единственное доказательство того, что я еще жива.

Сегодня на редкость холодное утро.

Перед выходом с базы я предложил ограничиться заходом в жилые кварталы с целью выяснить, нет ли подозрительных лиц среди гражданских и как они себя ведут. Я начинаю склоняться к мысли, что Кент, Кисимото и все остальные тайком обосновались среди обычных людей. Должны же они, в конце концов, где-то брать еду и воду – то, что связывает их с обществом; я сомневаюсь, что под землей можно что-то вырастить. Но это, разумеется, всего лишь предположения. Среди них вполне может найтись кто-то, кто может добывать пищу прямо из воздуха.

Я быстро отдаю распоряжения своим людям, приказываю им рассредоточиться и не привлекать к себе внимания. Их задача – только наблюдать и в случае обнаружения чего-то странного докладывать лично мне.

Как только они расходятся, я остаюсь наедине со своими мыслями и начинаю оглядываться по сторонам, поскольку здесь небезопасно.

Боже, во сне она была такой реальной и близкой.

Я закрываю глаза и провожу рукой по лицу. Пальцы задерживаются у рта. Я чувствую ее. Почти наяву. Одна лишь мысль о ней заставляет сердце биться быстрее. Я не знаю, что со мной станет, если такие яркие сны о ней начнут преследовать меня. Я сделаюсь вообще ни на что не годен.

Я делаю глубокий вдох и пытаюсь сосредоточиться. Взгляд мой праздно скользит по окружающим предметам, однако я не могу оторвать взгляда от бегущих неподалеку ребятишек. Они кажутся такими веселыми и беззаботными. Мне почему-то становится грустно оттого, что они смогли обрести счастье в этой жизни. Они не представляют, чего их лишили, и не знают, каким мир был прежде.

Сзади что-то тычется мне в ноги.

Я слышу тяжелое, какое-то придушенное дыхание и оборачиваюсь.

Это собака.

Измученная, голодная собачонка, настолько отощавшая, что, кажется, ее сейчас снесет ветром. Но она смотрит на меня. И не боится. Пасть приоткрыта, язык вывалился набок.

Мне хочется рассмеяться.

Я быстро оглядываюсь, прежде чем сгребая ее в охапку. Не надо давать отцу лишний повод для того, чтобы кастрировать меня, к тому же я отнюдь не уверен, что мои солдаты не доложат о подобном поведении командира.

Что я играл с собакой.

Я наперед знаю, что мне скажет отец.

Я несу жалобно скулящую собачонку к одному из недавно опустевших жилых блоков – я видел, как все три семьи ушли на работу, – и сажусь на корточки у забора. Собака, кажется, понимает, что сейчас не время лаять.

Я снимаю перчатку и лезу в карман за печеньем, которое прихватил с собой утром: перед выходом я так и не успел позавтракать. И хотя я понятия не имею, чем питаются собаки, я все-таки протягиваю ей печенье.

Собака чуть не откусывает мне руку.

Она, почти не жуя, проглатывает угощение и начинает лизать мне пальцы, весело бросается мне на грудь и в конце концов забирается под расстегнутый китель. Я не могу удержаться от веселого смеха, да и не хочу. Я так давно не смеялся. И я поражаюсь, какой же властью обладают над нами эти маленькие и совсем неприметные существа, что могут так легко разжалобить нас.

Я глажу собаку по облезлой шерсти, чувствуя, как из-под кожи остро торчат ребра. Но собака, похоже, забыла о голоде, по крайней мере на время. Она изо всех сил виляет хвостом и выныривает из-под кителя, чтобы заглянуть мне в глаза. Я начинаю жалеть, что утром не прихватил со стола все печенье.

Раздается громкий треск.

Я слышу изумленный вздох.

И резко оборачиваюсь.

Я выпрямляюсь во весь рост и напряженно выискиваю, откуда донесся звук. Это где-то рядом. Кто-то заметил меня. Кто-то...

Гражданская. Она уже бежит вдоль стены ближайшего жилого блока.

– Эй! – кричу я. – Эй, там...

Она останавливается. Поворачивает голову.

Я едва не падаю.

Джульетта.

Она пристально смотрит на меня. Это действительно она смотрит на меня расширенными от страха глазами. Мои ноги внезапно наливаются свинцом. Я прирос к земле, не в силах и слова сказать. Я даже не знаю, с чего начать. Мне хочется так много ей высказать, и я так счастлив ее видеть... Господи, какое облегчение – она жива...

Она исчезла.

Я в отчаянии оглядываюсь по сторонам, лихорадочно думая о том, в той ли реальности я нахожусь. Мой взгляд падает на смиренно сидящую собачонку, чего-то ждущую от меня, и я остолбенело таращусь на нее, пытаюсь понять, что же все-таки произошло. Я снова и снова смотрю туда, где, как мне кажется, я заметил ее, но не вижу ничего.

Ровным счетом ничего.

Я запускаю руку в волосы, и меня охватывают такая тоска, такой ужас и такая ненависть к самому себе, что мне хочется вырвать их с корнем.

Что со мной происходит...

Разгадай меня

Моей маме. Самому лучшему человеку, которого я когда-либо знала

Глава 1

Возможно, день сегодня выдался ясный.

Огромный желтый солнечный шар, может быть, прямо сейчас неспешно перетекает в облака. Он такой жидкий, как яичный желток, и еще он расплывчатый, неясный, ярким пятном сияет в голубом небе. Он несет с собой холодную надежду и фальшивые обещания о теплых воспоминаниях, о настоящих дружных семьях, о сытных завтраках со стопочкой блинчиков на столе, облитых кленовым сиропом. Но ничего этого больше в мире не существует.

А возможно, что все совсем не так.

Не исключено, что сегодня сыро и пасмурно и порывистый ветер дует с такой силой, словно он вознамерился содрать кожу с рук прохожих. А может быть, снаружи морозно, или же идет самый настоящий град, или начался ураган, резко переходящий в торнадо, и земля трясется и готова разломиться пополам, чтобы уступить место нашим бесконечным ошибкам.

Я понятия не имею о том, что творится сейчас там, наверху.

Здесь нет окон, которые выходили бы хоть куда-то, предлагая хоть какой-то вид. Моя кровь замерзает, я как будто похоронена на двадцать метров под землей в учебной комнате, которая в последнее время стала для меня вторым домом. Каждый день я смотрю на эти четыре стены и напоминаю себе об одном: «Я не пленница, я не пленница, я не пленница». Правда, иногда ко мне возвращаются мои старые страхи, и тогда мне уже никак не освободиться от клаустрофобии, вцепляющейся мне в горло.

Когда я только появилась здесь, во мне родилось множество надежд насчет будущего, ведь я услышала столько обещаний.

Но теперь я уже не совсем уверена в них. Я волнуюсь. Мой мозг стал для меня предателем, потому что мои мысли каждое утро выползают из кровати вместе со мной с пронзительным взглядом, потными ладонями и сдавленным смехом, заполняющим мою грудь. Этот нервный смех нарастает изнутри, он грозит вырваться из груди, отчего в ней становится все тесней, и тесней, и тесней.

Жизнь здесь совсем не похожа на то, что я ожидала увидеть.

Мой новый мир как будто выгравирован на сером ружейном металле, запечатан серебром и пропитан запахами камня и стали. Воздух тут ледяной, коврики ярко-оранжевые, лампочки мигают, выключатели подают звуковые сигналы, и вообще все вокруг – какое-то электронно-неоновое – сверкает и переливается ярким светом. Здесь люди занимаются своими делами, постоянно перемещаясь куда-то, то громко топя, то передвигаясь плавными шагами, то тихо при этом перешептываясь, то громко крича.

А если хорошенько прислушаться, то можно, как мне кажется, даже услышать, как шевелятся мысли в головах, как напрягается мозг, когда кто-нибудь задумчиво постучит себе пальцем по лбу или почешет подбородок, многозначительно нахмурившись и собрав складки в уголках рта. Всевозможные идеи здесь носят в карманах, свежие мысли таятся на кончике языка у каждого. При этом глаза от высшей степени сосредоточенности сужаются

до щелок, и я, по всей видимости, должна интересоваться всем этим и принимать в общей жизни активное участие.

Но только ничто не срабатывает, я как будто сломалась изнутри.

Предполагается, что я должна научиться обуздывать свою энергию. Так сказал Касл. Наши таланты – это просто разные формы энергии. «Материя не создается и не уничтожается, – объяснил он мне, – а вместе с тем, как изменился наш мир, соответствующим образом изменилась внутри его и энергия. Наши способности взяты из Вселенной, но только из другой материи, из другой энергии. Мы не являемся аномальными. Мы стали неизбежными элементами в извращенных манипуляциях самой Земли. Наша энергия откуда-то появилась, а это «откуда-то» как раз и является окружающим всех нас хаосом».

В этом есть смысл. Я помню, на что походил наш мир, когда я оставила его.

Я помню провалившиеся небеса и целую серию взрывающихся наверху закатов под луной. Я помню потрескавшуюся землю, поникшие кусты и лужайки, которые когда-то были зелеными, а теперь приобрели бурый оттенок. Мне помнится и вода, которую уже нельзя пить, и птицы, которые не летают. Вся человеческая цивилизация словно сжалась до размеров нескольких огороженных лагерей, жалким образом вытянувшихся на том, что осталось на опустевшей земле.

Сама планета чем-то напоминает сломанную кость, которая никак не может срастись правильно, на сотню осколков хрустальной вазы, склеенных неумелой рукой. Нас сильно потрясло, потом началась всеобщая реконструкция, и вот теперь предполагается, что мы должны жить и функционировать, как прежде, притворяясь, будто это у нас неплохо получается. Но ведь это ложь, это чистая ложь, все здесь ложь – каждый человек, каждая вещь, место и даже просто мысль.

Я не могу функционировать нормально.

Я – самое настоящее последствие общей катастрофы.

Две недели пропали зря, словно их и не было, о них теперь только забыть и остаться. Ровно две недели я нахожусь здесь, как будто на поверхности, выложенной куриными яйцами, и постоянно боюсь случайно разбить одно из них. Но рано или поздно это непременно случится, и тогда все пойдет кувырком. За эти две недели я, в общем-то, должна была почувствовать себя более счастливой и здоровой. Ко мне должен был бы вернуться нормальный сон, ведь теперь я нахожусь в безопасности. Но вместо этого меня стали постоянно одолевать сомнения – что же случится потом, когда если я что-то сделаю не так, если я так и не научусь правильно тренироваться? Что, если я причину кому-то боль нарочно случайно?

А пока что мы готовимся к кровопролитной войне.

Вот для чего я и тренируюсь.

Мы подготавливаемся к тому, чтобы свергнуть Уорнера и его приспешников. Мы должны выиграть, одерживая одну победу за другой. Нам нужно доказать оставшимся жителям Земли, что надежда все еще остается, что не надо поддаваться на провокации Оздоровления и становиться рабами этого режима, ведь им только и нужно эксплуатировать мирное население и использовать его в своих целях. И я согласилась на эту борьбу. Я стану воином и буду использовать свою энергию, пусть это и не совсем соответствует моим принципам. Но пока что я даже думать не могу о том, что мне придется дотрагиваться до кого-то. В моей голове всплывает множество воспоминаний. Меня охватывают противоречивые чувства, и я испытываю прилив сил, который возникает у меня только в те моменты, когда происходит контакт с кожей другого человека, не имеющего иммунитета к моей энергии. Это какой-то поток ощущений, сознание собственной непобедимости, некая вымученная, искаженная эйфория. Энергия заполняет всю меня целиком. Я не понимаю, что все это может сотворить со мной в конечном итоге. Я не знаю, могу ли я доверять самой себе, потому что в такие

минуты я ощущаю самое настоящее удовольствие от того, что причиняю кому-то сильную физическую боль.

Я только знаю, что последние слова Уорнера надолго застряли у меня в груди, и я не могу прокашляться, чтобы отделаться от них. Холодная правда засела у меня в горле.

Адам понятия не имеет о том, что Уорнер тоже может дотрагиваться до меня.

И никто об этом не знает.

Уорнер должен был умереть. Он должен был умереть потому, что я должна была его застрелить. Но никто ведь не позаботился о том, чтобы научить меня стрелять. Вот почему теперь, наверное, он явится за мной сюда.

Он тоже будет бороться.

За меня.

Глава 2

Резкий стук, и дверь распахивается настежь.

– Мисс Феррарс, я не знаю, чего вы хотите добиться тем, что вот так сидите в углу.

Улыбка Касла заполняет комнату еще до того, как успевает появиться он сам.

Я напряженно набираю полную грудь воздуха и пытаюсь посмотреть ему в глаза, но мне это не удается. Вместо этого я полушепотом лепечу какие-то извинения и сама вынуждена слушать свои жалкие словечки в этой огромной комнате. Я чувствую, как мои трясущиеся пальцы цепляются за толстые маты, которыми уложен здесь пол, и сознаю то, что я действительно за эти две недели так ничего и не достигла. Это унижительно. И еще обидно оттого, что я разочаровываю одного из тех немногих людей, которые были ко мне так добры.

Касл стоит прямо передо мной и ждет, когда же я наконец подниму на него взгляд.

– Не нужно извиняться, – говорит он.

Его пронзительные ясные карие глаза и дружелюбная улыбка легко заставляют забыть о том, что он является лидером «Омеги пойнт». Главой этого грандиозного подпольного движения, посвященного борьбе с Оздоровлением. Голос его слишком уж мягкий и добрый, и от этого мне становится еще хуже. Иногда мне хочется, чтобы он попросту наорал на меня.

– И все же, – продолжает он, – вам придется научиться обуздывать свою энергию, мисс Феррарс.

Пауза.

Шаг вперед.

Он кладет ладонь на небольшую стенку из кирпичей, которые я должна была уничтожить. Похоже, он только делает вид, что не замечает ни красных ободков вокруг моих глаз, ни металлических труб, которые я раскидала по комнате. Он предпочитает не смотреть на кровавые следы, оставленные на деревянных планках, которые я тоже отложила в сторону. Его вопросы не касаются того, почему я так крепко сжимаю кулаки и не повредила ли я себя в очередной раз за время тренировки. Он чуть склоняет голову в мою сторону, но смотрит в какую-то точку, находящуюся за моей спиной, и мягко при этом произносит:

– Я знаю, что вам это весьма трудно. Но вы должны этому научиться. Вам придется это сделать. И от этого будет зависеть ваша дальнейшая жизнь.

Я нервно сглатываю, и этот звук получается слишком громким, словно падает в бездонную пропасть между нами. Я киваю и прислоняюсь спиной к стене. Мне приятны и эта прохлада, и боль от камня, впивающегося мне прямо в позвоночник. Я подтягиваю колени к груди и чувствую, как мои ступни вжимаются в защитное покрытие из матов на полу. Я почти готова расплакаться и теперь только боюсь, что могу внезапно пронзительно завизжать. Но в итоге я спокойно говорю ему:

– Я просто не знаю, как это делать. Я понятия не имею, как это можно сделать. Мне даже не совсем понятно, что именно я должна делать.

Потом я устремляю взгляд в потолок и моргаю-моргаю-моргаю... Мои глаза влажные и блестят от слез.

– Я не знаю, как нужно сделать, чтобы все вышло так, как вы хотите.

– Значит, вам надо об этом хорошенько подумать, – отвечает он, ничуть не напуганный такой моей реакцией. – Он поднимает одну из металлических труб, валяющихся на полу, и взвешивает ее в руке. – Вам придется нащупать связь между всем тем, что произошло. Когда вы пробили бетонную стену в камере для пыток у Уорнера... Или когда вы преодолели стальную дверь, чтобы спасти мистера Кента... Что тогда происходило? Почему в обоих этих случаях вы сумели отреагировать на обстоятельства столь необычным способом? – Он

садится в паре метров от меня и подталкивает ко мне трубу. – Очень важно, чтобы вы проанализировали свои способности, мисс Феррарс. Вам придется сосредоточиться.

Сосредоточиться.

Всего одно слово, но его достаточно, и мне становится дурно. Похоже, все хотят от меня одного – чтобы я сосредоточилась. Сначала этого добивался Уорнер, а вот теперь Касл.

Но мне никогда не удавалось доводить это до конца.

Глубокий и печальный вздох Касла возвращает меня к действительности. Он поднимается со своего места и разглаживает свой, по-моему, единственный темно-синий блейзер. Я мельком смотрю на вышитый у него на спине серебристый символ «Омега». Он рассеянно трогает кончик своего «хвоста» – Касл всегда стягивает свои дреды в узел на затылке.

– Вы сопротивляетесь самой себе, – говорит он, хотя и достаточно мягко. – Может быть, вам стоит поработать с партнером ради разнообразия? Может быть, напарник поможет вам разобраться в себе лучше и тогда вы поймете связь между теми двумя происшествиями?

Я удивлена и чувствую, как напряглись мои плечи.

– Мне помнится, вы говорили, чтобы я работала одна.

Он прищуривается, словно не замечает меня, чешет у себя за ухом, потом сует руку в карман.

– В общем-то, мне не хотелось, чтобы вы работали одна, – заявляет он. – Просто никто не вызвался добровольцем стать вашим помощником.

Внутри меня будто падает камень, потом еще один, потом снова и снова... Несколько камешков застревают в горле. Не знаю почему, но я начинаю задыхаться. Что же меня так удивило? Не стоит удивляться. Не каждый человек – Адам.

И не все остаются в целостности и сохранности рядом со мной, как это происходит с ним. Только Адам сумел дотронуться до меня и получить от этого удовольствие. И еще только Уорнер. Но, несмотря на это, Адам не может тренироваться вместе со мной. Он занят другими делами.

И об этом мне никто ничего не рассказывает.

Но Касл продолжает смотреть на меня глазами, полными надежды. Этот взгляд уверяет меня в том, что он еще ничего не подозревает. Он не знает, но от его нового предложения мне становится гораздо хуже. Хуже, потому что, хотя я и знаю всю правду, мне больно слышать ее. Больно еще и потому, что я помню одно: несмотря на то что я могу существовать в теплом невидимом пузыре вместе с Адамом, весь остальной мир до сих пор считает меня угрозой. Чудовищем. Мерзостью.

Уорнер оказался прав. Куда бы я ни отправилась, от этого я все равно не убегу.

– Что же изменилось? – интересуюсь я. – Кто же вызвался помочь мне с тренировками теперь? – Небольшая пауза, и потом: – Вы сами?

Касл улыбается.

От его улыбки жар унижения быстро распространяется по моей шее и пронзает мою гордость так, что я только усилием воли заставляю себя усидеть на месте, чтобы не броситься к двери и не вылететь отсюда пулей.

Мне хочется крикнуть ему: «Пожалуйста, ну пожалуйста, не надо меня жалеть!»

– У меня, к сожалению, нет на это времени, – заявляет Касл. – Но теперь наконец-то освободился Кенджи. Мы смогли перестроить его личный график, и он сказал, что будет очень рад поработать с вами. – Секунда колебаний и потом: – Ну конечно, если только вы сами не против.

Кенджи.

Теперь мне хочется громко рассмеяться. Конечно, только Кенджи смог бы согласиться рискнуть и поработать со мной. Один раз я причинила ему боль. Это произошло случайно. Но мы с ним не проводили вместе много времени с тех пор, как он сам привез нас в «Омегу»

пойнт». Было похоже на то, что он просто выполняет какое-то задание, некую миссию. И, как только она была завершена, он снова занялся своими делами. Очевидно, Кенджи здесь заметная фигура. У него миллион разных дел. Он постоянно что-то улаживает, словом, наводит здесь порядок. Похоже, людям он нравится и даже пользуется их уважением.

Интересно, а знают ли они его как несносного и сквернословящего Кенджи, с которым я когда-то впервые познакомилась?

– Хорошо, – киваю я Каслу и впервые за все время своего пребывания здесь пытаюсь изобразить на лице довольную улыбку. – Звучит просто чудесно.

Взгляд у Касла светлеет. Его легко обрадовать.

– Вот и отлично. Я попрошу его встретиться с вами завтра же утром за завтраком. Вы вместе перекусите и сразу же начнете работать.

– Да, но я обычно...

– Знаю, – обрывает меня Касл. Теперь его улыбка преобразается, и я вижу тоненькую линию его сжатых губ, а на лбу появляются морщинки озабоченности. – Вам нравится ходить в столовую вместе с мистером Кентом. Это мне известно. Но вы почти не общаетесь ни с кем другим из нас, мисс Феррарс, а если вы намерены оставаться здесь, то вам нужно начинать доверять нам. Люди из «Омеги пойнт» считают Кенджи своим. И он смог бы поручиться за вас. И если все увидят, что вы много времени проводите вместе, их больше не будет так сильно страшить ваше тут присутствие. И вы быстрее адаптируетесь.

Теперь жар, больше напоминающий горячее масло, как будто начинает растекаться по моему лицу. Я вздрагиваю, пальцы у меня невольно перекручиваются. Я ищу точку, куда можно направить взгляд, и стараюсь не обращать внимания на резкую боль в груди. Мне приходится сглотнуть целых три раза, прежде чем я понимаю, что готова ответить:

– Они... они боятся меня, – шепчу я и умолкаю, но потом нахожу в себе силы продолжать: – Я не хочу... не хочу никому причинять вреда. Я не хочу никому мешать...

Касл громко и протяжно вздыхает. Он смотрит то вниз, то вверх и почесывает подбородок.

– Они боятся только потому, – наконец начинает он, – что совсем вас не знают. Если бы вы просто постарались чуть побольше... если бы вы приложили чуть больше усилий к тому, чтобы узнать кого-то получше... – Он замолкает и хмурится, потом добавляет: – Мисс Феррарс, вы находитесь здесь уже две недели и почти не разговариваете даже со своими соседками по комнате.

– Но это не так... я полагаю, что они потрясающие...

– И все же вы предпочитаете игнорировать их. Вы же совсем не общаетесь с ними. Почему?

~~Потому что раньше у меня никогда не было подружек. Потому что я боюсь сделать что-то не так, сказать что-то не то и все кончится тем, что они попросту возненавидят меня так же, как и все остальные девочки, с которыми я когда-либо общалась. А они мне очень нравятся, вот почему их неизбежный отказ от дружбы со мной для меня станет совсем невыносимым.~~

Я ничего ему не говорю.

Касл качает головой:

– Вы так хорошо вели себя в самый первый день, когда приехали сюда. Вы почти что подружились с Бренданом. Но я не знаю, что произошло, – продолжает Касл. – Мне показалось, что здесь вам будет хорошо.

Брендан. Худощавый юноша с платиново-белыми волосами и электричеством, пробегающим по его жилам. Я помню его. Он показался мне довольно милым.

– Мне нравится Брендан, – смущенно сообщаю я Каслу. – Я его чем-то расстроила?

– Расстроила? – Касл громко смеется и трясет головой, но на мой вопрос не отвечает. – Я не понимаю, мисс Феррарс. Я пытался быть с вами исключительно терпеливым, я дал вам достаточно времени, но теперь вынужден признаться, что вы меня здорово озадачили. Вы показались мне другой, когда появились у нас – и вам тут понравилось! Но прошла неделя, и вы полностью ушли в себя. Вы даже ни на кого не смотрите, когда идете по коридору. А что случилось с желанием побеседовать? Подружиться с кем-нибудь?

Это правда.

Мне потребовался один день, чтобы устроиться здесь. Один день, чтобы оглядеться по сторонам. Всего один день, чтобы меня восхитила новая жизнь, и один день для всех остальных, чтобы они выяснили, кто я такая и что успела натворить.

Касл ничего не говорит о матерях, которые видят, как я иду по коридору, и сразу же в страхе прячут за собой своих детишек. Он не вспоминает те враждебные недовольные взгляды и неприятные слова, которыми меня встречали здесь. Он ни словом не обмолвился, что всех детей успели предупредить о том, чтобы они избегали меня и вообще находились подальше, а вот некоторые пожилые люди, наоборот, любят разглядывать меня вплотную. Могу только представить себе, что они могли слышать обо мне и от кого они все это услышали.

Джульетта.

Девушка со смертельным прикосновением, вытягивающая силу и жизненную энергию из людей, пока они не превратятся в обмякшие парализованные существа, беспомощно хрипящие на земле. Это та самая девушка, которая большую часть своей сознательной жизни провела в больницах и центрах временного содержания несовершеннолетних. От этой девушки отказались ее же собственные родители. Она официально признана недееспособной и приговорена к изоляции от общества в сумасшедшем доме, в котором боятся жить даже крысы.

Девушка.

Она настолько стремится отнять чужую силу и энергию, что даже убила крошечного ребенка. Она замучила до смерти годовалого малыша. Она заставила взрослого мужчину стоять перед собой на коленях и задыхаться от боли. У нее даже не хватает совести покончить жизнь самоубийством.

Кстати, не все из вышеперечисленного является ложью.

Я смотрю на Касла, а мои щеки покрылись пятнами. На моем языке вертятся невысказанные слова, а мой взгляд не хочет рассказывать ему мои секреты.

Он снова вздыхает.

Он будто хочет что-то сказать. Он пытается заговорить, но после того как он молча исследует мое лицо, он, видимо, меняет свое решение. Он быстро кивает, набирает в легкие воздух и, постучав пальцем по стеклу своих часов, сообщает мне:

– Три часа до отбоя.

Он поворачивается, чтобы уйти, но у двери останавливается.

– Мисс Феррарс, – неожиданно мягко начинает он, не поворачиваясь ко мне, – вы решили остаться с нами. Ваш выбор – сражаться вместе с нами, стать настоящим членом «Омеги пойнт». – Пауза, и затем: – Нам понадобится ваша помощь. Боюсь, что времени у нас остается не очень много. Оно заканчивается.

Я наблюдаю за тем, как он выходит из комнаты.

Еще некоторое время я прислушиваюсь к удаляющимся шагам, а его последние слова еще эхом отдаются у меня в голове. Я прислоняюсь затылком к кирпичной стенке и закрываю глаза, обращенные в потолок. И снова будто слышу его голос, серьезный и ровный. На этот раз он звенит у меня в ушах.

«Время заканчивается», – сказал он.

Как будто время – это такая вещь, которая может реально закончиться. Как будто оно измеряется некой чашей, выданной нам при рождении, и, если мы начинаем поедать его слишком быстро или помногу или тогда, когда этого делать не рекомендуется, тогда время тратится, съедается и считается использованным.

Но время – это то, что находится за пределами нашего понимания. Оно бесконечно, оно существует вне нас. Мы не можем сами истратить его, или потерять его ход, или найти способ удерживать его. Время продолжает двигаться вперед даже тогда, когда мы сами уже этого делать не способны.

У нас много времени. Вот что должен был сказать Касл. У нас есть все время, которое только существует в мире. Вот что он должен был сказать мне. Но он сказал совсем другое. А это означало, что наши часы идут слишком быстро. Время с грохотом мчится вперед. Оно стремится в каком-то непонятном направлении и готово вот-вот ворваться во что-то совсем иное и словно слышится:

Тик-

так.

Тик-

так.

Тик...

И вот уже почти

наступило время войны.

Глава 3

Я могу дотрагиваться до него.

Глаза у него темно-синие. Волосы каштановые. Его рубашка плотно прижата к телу во всех нужных местах. А его губы... Его губы чуть подергиваются, и это словно заставляет сработать некий выключатель, который зажигает огонь в моем сердце, и я даже не успеваю глазом моргнуть и выдохнуть, как уже оказываюсь в его объятиях.

Адам.

– Эй, привет, – шепчет он где-то совсем рядом с моей шеей.

Я изо всех сил сдерживаю дрожь, кровь тут же приливает к моим щекам, и на мгновение – всего на одно мгновение – я полностью обмякаю и позволяю ему крепко сжать себя.

– Привет. – Я вдыхаю его аромат.

Роскошный – вот он какой.

Мы редко видимся наедине друг с другом. Адам живет в комнате вместе с Кенджи и своим младшим братом Джеймсом, а я делю свою с близнецами-целительницами. Сейчас у нас остается минут двадцать до того, как сестры вернутся сюда, и я намереваюсь использовать эту возможность по максимуму.

Мои глаза закрываются сами собой.

Руки Адама обхватывают меня за талию, он привлекает меня еще ближе к себе, и наслаждение возрастает настолько, что меня снова начинает буквально трясти. Мне кажется, будто мои плоть и кровь столько времени жаждали контакта и человеческого тепла, что я теперь даже не знаю, какой темп задавать своим чувствам и действиям. Я как голодный ребенок, который торопится набить живот. Я спешу насытиться ощущениями, которых у меня так долго не было, как будто боюсь в любой момент проснуться, обнаружив, что это был всего лишь сон, а мне по-прежнему приходится убирать в доме злой мачехи.

Но уже в следующее мгновение Адам касается губами моей макушки, и моя фантазия улетает куда-то совсем уж далеко, и я ненадолго представляю себя совсем в другом месте.

– Как дела? – спрашиваю я, и мне тут же становится неловко, потому что голос у меня дрожит, хотя Адам держит меня в объятиях совсем недолго. И все равно я не хочу, чтобы он отпускал меня. ~~Никогда. Никогда-никогда.~~

Его тело начинает сотрясать смех, мягкий, густой и снисходительный. Но он не отвечает на мой вопрос, и я знаю, что даже не собирается это делать.

Мы столько раз пытались куда-нибудь удрать, чтобы оказаться наедине друг с другом, но нас неизменно отлавливали и даже наказывали за такое поведение. После отбоя нам вообще не разрешается покидать свои комнаты. Сразу после того как мы так неожиданно появились здесь, к нам относились более терпимо, но этот период очень скоро закончился, и нам с Адамом пришлось подчиниться правилам, которые распространяются здесь буквально на всех. А правил тут хватает...

Здесь соблюдаются исключительные меры предосторожности. Повсюду расставлены камеры наблюдения, на каждом углу, в каждом коридоре. Мы должны быть готовы ко всему, в том числе и к неожиданному нападению. Круглосуточная охрана прислушивается к любому постороннему шороху. Они отслеживают любое нарушение общего порядка или недозволенной деятельности. Касл и его команда постоянно находятся на чеку, охраняя «Омегу пойнт», и они вовсе не желают рисковать ни в чем. И если поблизости нашего убежища обнаружится чужак, мы должны будем сделать все возможное, чтобы избавиться от него.

Касл считает, что именно его бдительность и стала причиной того, что их так долго никто не может обнаружить, и если быть до конца честной, то в этом, безусловно, есть разумное зерно, и я могу понять его настойчивость и требования к полному порядку и безупречной

дисциплине. Но именно из-за этого мы с Адамом и не можем быть вместе. Мы не видимся, кроме как во время приема пищи, но тогда нас окружает масса других людей, а в свое свободное время я оказываюсь запертой в комнате для тренировок, где мне следует научиться «обуздывать свою энергию». Адаму это тоже не нравится, как и мне самой.

Я дотрагиваюсь до его щеки.

Он замедляет дыхание и поворачивается ко мне. Его глаза говорят мне так много, что я отворачиваюсь, потому что чувствую это очень остро. Моя сверхчувствительная кожа наконец – наконец-то! – пробудилась и теперь наполняется жизнью. Она будто начинает вибрировать и чуть ли не жужжать, причем так сильно, что это даже становится неприлично.

А я даже не в силах это скрывать.

Он понимает, как действует на меня и что со мной делается, когда его пальцы даже слегка касаются моей кожи, когда его губы приближаются к моему лицу, когда жар его тела в соединении с моим теплом заставляет меня закрывать глаза... В такие моменты мои конечности трясутся, а колени подгибаются. Но я тоже вижу, что творится с ним, поэтому и знаю: он все прекрасно понимает. Иногда он буквально мучает меня и при этом улыбается, умышленно затягивая момент, когда расстояние между нами начинает уменьшаться и мы сближаемся. Он упивается звуком биения моего сердца, моим прерывистым дыханием, которое я уже не в состоянии контролировать. Он наслаждается тем, как я нервно сглатываю раз за разом, прежде чем наконец целует меня. Я даже не могу спокойно смотреть на него, чтобы не получить огромного удовольствия от каждого мига, пока мы с ним находимся рядом. Я хочу получше запомнить его губы, его прикосновение, его запах, его кожу. Для меня это уже чересчур. Все это так ново, это такие необычные изысканные ощущения, о существовании которых я раньше и предположить не могла, ведь все это прежде было для меня недоступным.

Иногда мне становится страшно – а вдруг все это убьет меня?

Я освобождаюсь из его объятий. Мне холодно и жарко одновременно, я пошатываюсь и хочу поскорее обрести контроль над собственным телом, надеясь, что он очень быстро забудет о том, что может делать со мной. Я понимаю, что теперь мне потребуется некоторое время, чтобы привести себя в чувство. Я делаю нетвердый шаг назад, закрываю лицо руками и пытаюсь подумать о том, что бы сейчас ему сказать. Но все перед глазами дергается, и тут я ловлю на себе его взгляд и понимаю, что он может снова в один миг завладеть мной целиком и полностью.

Мне кажется, он тихонько шепчет мне одно слово: «Нет».

А в следующее мгновение я снова ощущаю его руки и слышу его голос, в отчаянии произносящий мое имя, и я снова слабею в его объятиях. Я вся издергалась, я рассыпаюсь на части, и я уже не пытаюсь унять дрожь во всем теле, а он такой горячий, его кожа такая горячая, и я перестаю соображать, где я вообще нахожусь.

Его правая рука скользит по моей спине и потихоньку тянет за молнию, на которую застегивается мой костюм, пока замочек не доходит до середины спины, но мне уже все равно. Мне нужно компенсировать период длиной в семнадцать лет, и теперь я хочу чувствовать буквально все на свете. Я не хочу больше ждать, чтобы рисковать когда-то потом и снова перед этим раздумывать над очередным «а вдруг» или «что, если», чтобы в результате горько сожалеть о случившемся. Я хочу прочувствовать все еще и потому, что вдруг я в один прекрасный день проснусь, а этот феномен исчезнет, словно закончится его срок действия, и тогда станет ясно, что у меня был шанс, но теперь его больше нет и уже не будет никогда. И эти руки такого тепла ощутить уже никогда не смогут.

Я не могу это допустить.

И не допущу.

Я даже не осознаю до конца, сама буквально вжалась в него настолько, что теперь ощущаю все изгибы и контуры его тела под тонкой хлопковой одеждой. Мои руки проскальзывают под его рубашку, и я слышу его напряженное дыхание, я чувствую, как напрягаются мускулы его тела. Тогда поднимаю на него взгляд и вижу, что его глаза крепко закрыты, а на его лице отражается нечто такое, что можно принять за боль, но тут неожиданно его руки оказываются у меня в волосах, и в этот отчаянный момент его губы приближаются к моим. Он подается вперед, но вопреки закону притяжения мои ноги вдруг отрываются от пола и я начинаю парить в воздухе. Я лечу. Но вот я уже как будто на земле, но нет вокруг ничего, кроме этого урагана в моих легких, а сердце начинает яростно колотиться в груди, что становится слышен его стук.

Наши губы
соприкасаются,

и я знаю, что сейчас разорвусь на кусочки. Он целует меня так, словно потерял когда-то, но вот сейчас снова нашел, но я ускользаю от него, а он не хочет ни за что отпускать меня. Мне хочется кричать, иногда замереть, иногда я готова умереть, потому что узнала, что это такое – прочувствовать подобные поцелуи. Теперь я понимаю, что значит жить с этим сердцем, с этим нежным взрывом, который заставляет меня чувствовать себя так, будто я отпила глоток солнца и проглотила сразу несколько облаков...

Все это...

Все это заставляет меня испытывать какую-то томящую боль повсюду.

Он отрывается от меня и тяжело дышит, его рука проскальзывает под мягкую материю моего костюма, и он такой горячий, и его кожа такая горячая, и мне кажется, что я уже об этом говорила, но я этого не помню, я сейчас так далеко и не сразу понимаю то, что он говорит мне.

Но он что-то говорит.

Его слова, хриплые и глубокие, звучат у меня в ушах, но я ничего не улавливаю, кроме бессвязных слогов, состоящих из гласных и согласных звуков, и все это перемешивается у меня в голове. Его сердце стучит так громко, словно рвется из груди и хочет соединиться с моим. Его пальцы следуют по секретным местечкам моего тела. Они скользят вниз по шелковистой ткани моего костюма, вниз и вниз к бедрам, к коленям, потом вверх и вверх, и теперь я думаю о том, а вот можно ли в реальности лишиться чувств, но при этом находиться в сознании, и теперь я понимаю, что такое гипервентиляция легких, или мне просто это кажется. Но вот он подтягивает нас вместе назад и ударяется спиной о стену. Теперь он крепко держит мои бедра и еще теснее прижимает меня к себе.

Я задыхаюсь.

Его губы уже целуют мою шею. Его ресницы щекочут меня где-то под подбородком, и он снова что-то говорит, что-то такое, что очень похоже на мое имя, и он целует мою ключицу снова и снова, потом мое плечо, и его губы, его губы и его руки – они ищут все изгибы и впадинки на моем теле, и его грудь вздымается, когда он вдруг останавливается, тихо выругавшись, и произносит:

– Боже, как с тобой приятно!

И в тот же момент мое сердце отправляется на Луну в одиночку, без меня.

Я люблю, когда он говорит мне такие слова. Я люблю, когда он говорит мне, что ему нравится, как я чувствую его, потому что это противоречит всему, что я слышала за всю свою жизнь, и мне хочется взять его слова и положить их себе в карман просто для того, чтобы время от времени трогать их и убеждаться в том, что они действительно существуют.

– Джульетта.

Я уже не могу дышать.

Я с трудом смотрю вперед и вижу только идеал и совершенство момента, но даже и это теперь не имеет никакого значения, потому что он улыбается. Он улыбается так, как будто кто-то привязал звезды к его губам, и он смотрит на меня, он смотрит на меня, как будто я для него – все, и мне хочется заплакать.

– Закрой глаза, – шепчет он.

И я ему доверяю.

Поэтому я послушно их закрываю.

В этот момент он целует их один за другим. Потом мой подбородок, нос и лоб. Щеки. Оба виска по очереди.

Каждый
сантиметр
моей шеи,
и

он отстраняется от меня так быстро, что ударяется головой о грубую стену. Тут он выдает несколько метких словечек, но потом замолкает. Я застыла, я поражена, и мне вдруг становится страшно.

– Что случилось? – шепчу я и сама не понимаю, почему я так неожиданно перешла на шепот. – Все в порядке?

Адам старается сдержаться, чтобы не поморщиться, но он при этом тяжело дышит и, запинаясь, произносит: «П-прости», – держась при этом за голову.

– Это... то есть я подумал... – Он отворачивается и прокашливается. – Я... я думаю... я подумал... мне показалось, будто я услышал какой-то шум. И я подумал, что кто-то хочет сюда войти.

Разумеется.

Адаму здесь нельзя находиться.

Парни и девушки живут в разных крыльях в «Омеге пойнт». Касл говорит, это делается для того, чтобы девушки чувствовали себя в полной безопасности и им было комфортно у себя в комнатах, и в особенности потому, что у нас общие туалетные комнаты, поэтому в основном у меня с этим нет никаких проблем. Было бы не слишком приятно принимать душ со стариками. Но нам при этом очень трудно выбрать время, чтобы остаться вдвоем. И даже если мы его тайком находим, мы постоянно волнуемся, что нас могут обнаружить.

Адам прислоняется к стене и морщится. Я протягиваю руку, чтобы потрогать его голову.

Он вздрагивает.

Я застываю на месте.

– С тобой все в порядке?..

– Да. – Он вздыхает. – Я просто... то есть я хочу сказать... – Он трясет головой. – Я не знаю. – Он замолкает. Его глаза. – Я сам, черт возьми, не знаю, что со мной.

– Эй! – Я дотрагиваюсь пальцами до его живота. Ткань его рубашки все еще теплая от жара его тела, и я стараюсь не поддаваться искушению и зарыться в нее лицом. – Все в порядке, – уверяю я. – Ты просто проявил осторожность.

Он улыбается, но улыбка получается какой-то грустной:

– Я говорю не о голове.

Я внимательно смотрю на него.

Он открывает рот, но потом закрывает. И снова открывает:

– Я хочу сказать... то есть... вот это все... – Он указывает рукой на себя и меня.

Но он не договаривает. И не смотрит на меня.

– Я не понимаю...

– Я теряю рассудок, – говорит он, вернее, шепчет, как будто сам не уверен, что произносит вслух эти слова.

Я смотрю на него. Я смотрю и моргаю и пытаюсь подобрать слова, которые не нахожу и не могу высказать.

Он трясет головой.

Потом резко хватается рукой за свой затылок, но выглядит при этом таким смущенным, а я не могу понять почему. Адам не смущается. Адам никогда не смущается.

Когда он наконец начинает говорить, голос у него становится хриплым:

– Я так долго ждал, чтобы быть с тобой. Я хотел этого... Я хотел тебя так долго, и вот теперь, после всего...

– Адам, о чем ты го...

– Я не могу спать. Я не могу спать, и я думаю только о тебе... все время, и я не могу... – Он замолкает. Прижимает ладони ко лбу. Крепко зажмуривается. Поворачивается к стене, и я не вижу его лица.

– Ты должна знать... тебе придется узнать, – выдавливает он, как будто эти слова забирают у него силы, – что я никогда так ничего не хотел, как я хотел тебя. Ничего. Потому что вот это... это... я хочу сказать... Боже, я хочу тебя, Джульетта, я хочу, хочу...

Слова замирают, и он поворачивается ко мне, глаза его сияют, все эмоции отражаются на его лице. Его взгляд задерживается на моем теле, причем так долго, что уже загорается спичка, которая может поджечь легко воспламеняемую жидкость, текущую в моих жилах.

Я вспыхиваю.

Я хочу что-то сказать, что-то правильное, уверенное и ободряющее. Я хочу сказать ему, что я все понимаю, я сама хочу того же, я тоже хочу его, но этот момент кажется слишком перенасыщенным эмоциями и одновременно таким реальным, что я наполовину убеждена в том, будто я сплю. Это похоже на то, что я мысленно произнесла все буквы алфавита и уже дошла до последней, как вдруг вспомнила, что кто-то изобрел еще и слова, и в этот миг он отводит от меня взгляд.

Он нервно сглатывает, опустив глаза. И смотрит куда-то в сторону. Одна его рука остается у него в волосах, другая сжата в кулак у самой стены.

– Ты понятия не имеешь, – хрипло продолжает он, – что ты делаешь со мной. Что ты заставляешь меня чувствовать. Когда ты дотрагиваешься до меня... – Он проводит дрожащей рукой по лицу. Он чуть ли не смеется, но при этом тяжело дышит, он не хочет встречаться со мной взглядом. Он делает шаг назад и тихо ругается. Потом прижимает кулак ко лбу.

– Господи! Что за чертовщину я несу?! Вот дерьмо! Дерьмо. Прости... забудь... забудь обо всем, что я говорил... мне надо идти...

Я пытаюсь остановить его, хочу заговорить, хочу сказать ему, что все хорошо, все в порядке, но сейчас я нервничаю, причем очень сильно, я смущена, потому что мне ничего не понятно. Я не понимаю, что происходит и почему он так не уверен во мне и в нас, и насчет меня и его, и в том, что будет с ним и со мной, и обо всех прочих местоимениях, какие только существуют. Я не отвергаю его. Я никогда его не отвергала. Мои чувства к нему всегда были прозрачны – у него нет причины чувствовать неуверенность во мне или рядом со мной, и я не понимаю, почему он смотрит на меня, словно что-то не так...

– Прости меня, – продолжает он. – Я... я не должен был ничего говорить. Я просто... Я... вот черт! Мне не надо было приходить. Мне надо идти... Я должен идти...

– Что? Адам, что случилось? О чем ты говоришь?

– Это была плохая затея. Я такой дурак... Я не должен вообще быть здесь...

– Никакой ты не дурак... все в порядке... все хорошо...

Он хохочет, но смех его, хоть и громкий, какой-то пустой. Отголосок неестественной улыбки еще остается на его лице, когда он замолкает и смотрит в какую-то точку, которая находится где-то за мной. Он долгое время молчит, но потом начинает говорить снова.

– Что ж, – он старается казаться веселым и радостным, – это не то, что думает Касл.

– Что? – Он застал меня врасплох. Я начинаю понимать, что теперь мы говорим вовсе не о наших с ним отношениях.

– Да. – Неожиданно он сует руки в карманы.

– Нет.

Адам кивает. Пожимает плечами. Смотрит на меня и отводит взгляд.

– Я не знаю, я так думаю.

– Но тестирование... оно... то есть... – Я мотаю головой и не могу остановиться. – Он что-нибудь обнаружил?

Адам не смотрит на меня.

– Боже мой, – говорю я шепотом, как будто если я произнесу эти слова очень тихо, мне станет легче. – Значит, это правда? Касл прав? – Мой голос чуть повышается, мышцы начинают напрягаться, и я не знаю почему, но это чувство очень похоже на страх, и он быстро ползет вверх по моей спине. Мне не надо бояться, если выяснится, что у Адама тоже имеется дар, подобный моему. И я должна была знать, что выяснить это не так-то просто, очень даже непросто. У Касла была своя собственная теория – будто Адам может дотрагиваться до меня, потому что он сам обладает некоей энергией, которая позволяет ему делать это. Касл не поверил в то, что иммунитет Адама к моей энергии мог оказаться счастливым совпадением. Он полагал, что тут крылось нечто гораздо большее с научной точки зрения. А я всегда верила именно в то, что мне просто повезло.

И Адам захотел все узнать сам. Он был воодушевлен этой идеей.

Но когда Касл начал тестирование, Адам больше не хотел говорить об этом. Он сообщал мне только самые общие данные. Слишком рано весь энтузиазм в отношении этого эксперимента потух в нем.

Что-то не так.

Что-то в самом деле не так.

Ну разумеется.

– Мы не можем пока сказать ничего определенного, – сообщает мне Адам, но я вижу, что он чего-то недоговаривает. – Нужно провести еще пару сессий. Касл говорит, что нам нужно еще кое-что... исследовать.

От моего слуха не ускользает и то, каким заученным, неживым тоном он преподносит мне эту информацию. Что-то идет не так, и мне кажется, что я только сейчас начинаю замечать признаки этого. Я не могу в это поверить. Просто я не хотела ничего замечать, вот в чем дело. Я не хотела признаться самой себе в том, что Адам выглядит более измученным и усталым, он более напряжен, чем это бывало раньше. Волнения и тревога как будто поселились у него прямо на плечах.

– Адам...

– Не беспокойся обо мне. – В его словах нет резкости, но я чувствую подводное течение в этой фразе, и оно несет в себе тревогу, и это я уже не могу проигнорировать, но он снова увлекает меня в свои объятия прежде, чем я успеваю вымолвить слово. Его пальцы ловко застегивают молнию на моем костюме, чтобы я приняла приличный вид. – Со мной все в порядке, – говорит он. – Правда. Мне просто нужно знать, что и у тебя все хорошо. А если тебе хорошо, то и мне тоже. И все вообще хорошо. – Он успокаивается. – Договорились? Все будет хорошо. – Его неуверенная улыбка ранит мне сердце, и оно словно забывает о том, что ему положено все время стучать.

– Ладно, – говорю я, но не сразу, мне требуется некоторое время, чтобы ко мне вернулась способность произносить слова. – Конечно, договорились, но...

Дверь открывается, и на пороге появляются Соня и Сара. Они уже собираются войти в комнату, но тут же застывают на месте, не сводя глаз с двух прижавшихся друг к другу тел.

– Ой! – восклицает Сара.

– Хм... – Соня опускает взгляд.

Адам едва слышно ругается.

– Мы можем прийти позже, – хором выпаливают близнецы.

Они собираются выйти, но я их останавливаю. Я не могу прогнать девушек из их же собственной комнаты.

Я прошу их остаться.

Они спрашивают, точно ли я в этом уверена.

Я быстро смотрю на Адама и понимаю, что буду жалеть о каждом потерянном моменте, который мы могли бы провести с ним вдвоем, но мне также известно и то, что я не могу пользоваться добротой своих соседок по комнате. Это их личное пространство, да и время близится к отбою. Не могут же они сейчас просто так бродить по коридорам.

Адам на меня больше не смотрит, но в то же время и не отпускает меня. Я нагибаюсь и чуть касаюсь губами его груди слева, там, где бьется его сердце. Наконец мы встречаемся взглядом. Он вымученно улыбается.

– Я люблю тебя, – говорю я ему, но так тихо, что эти слова слышит только он один.

Он нервно выдыхает. Потом шепчет: «Ты ничего не понимаешь», – и после этого отстраняется от меня. Поворачивается на одном каблуке. Направляется к двери.

Я чувствую, как пульс бьется у меня прямо в горле.

Девушки внимательно смотрят на меня. Они озабочены.

Соня хочет что-то сказать, но в этот момент

выключатель

щелкает,

вспышка,

и свет гаснет.

Глава 4

Сны возвращаются.

Они оставили меня на какое-то время сразу после того, как я была заключена на базе с Уорнером. Мне показалось, что я потеряла свою птицу, ту самую белую птицу с золотым хохолком на голове, напоминающим корону. Она часто встречалась мне в моих сновидениях. Она плавно и уверенно летела над миром, как будто знала все наперед, как будто у нее были свои секреты, о которых мы и не подозревали даже, и словно показывала нам дорогу в безопасное место. Она оставалась моей последней надеждой в горестной темноте сумасшедшего дома до той самой минуты, когда я встретила ее близнеца – точно такую же птицу-татуировку на груди Адама.

Мне показалось, будто она вылетела из моего сна, чтобы отдохнуть у него на груди. Я подумала, это и есть сигнал, послание и теперь я буду всегда в безопасности. Словно бы я улетела из заточения и наконец отыскала мир и надежное убежище.

Я и не ожидала снова увидеть свою птицу.

Но вот она вернулась и выглядит точно так же. Это та же самая белая птица в том же синем небе с той же золотистой короной. Только на этот раз она как будто застыла на месте. Она машет крыльями на месте, как будто ее держит невидимая клетка, как будто она обречена вечно повторять одни и те же движения. И это только кажется, что птица летит: да, она действительно находится в воздухе, ее крылья работают. Создается впечатление, будто она может свободно парить в небесах. Но она застыла на месте.

Она не в состоянии взлететь.

Или упасть.

На прошлой неделе этот сон мне снился каждую ночь, и семь раз утром я просыпалась, вся дрожа. Меня буквально трясло, и в рассветном холоде я боролась с тем, как бы успокоить мое ноющее сердце.

И силилась понять, что все это могло бы означать.

Я выползаю из кровати и скользящим движением втягиваю себя в один и тот же костюм, который я ношу здесь каждый день. Это единственная моя одежда. Она темно-фиолетового цвета, как спелая слива, – почти черная и немного поблескивает на свету. Это единый комбинезон, закрывающий меня от шеи до запястий и щиколоток. Он плотно прилегает к телу, но ничуть меня не стесняет.

В нем я передвигаюсь, как настоящая гимнастка.

Кроме того, у меня имеются пружинистые полусапожки, которые сшиты идеально по моей ноге. В них я могу ходить совершенно бесшумно. И еще есть перчатки до локтя из черной кожи, чтобы я не дотрагивалась до чего-то такого, чего мне касаться голыми руками нельзя. Соня и Сара поделились со мной одной из своих заколок, и впервые за долгие годы у меня появилась возможность убрать волосы с лица. Я ношу хвост, который затягиваю высоко на затылке, почти на макушке. Кроме того, я научилась самостоятельно, без посторонней помощи, застегивать свой комбинезон, а в нем я выгляжу умопомрачительно. Я чувствую себя непобедимой.

Это подарок от Касла.

Он велел сшить этот костюм на заказ специально для меня еще тогда, когда меня не было в «Омеге пойнт». Он посчитал, что мне понравится носить именно такой костюм. В первую очередь он защищает меня от самой себя и от всех остальных, но в то же время оставляет возможность причинять боль другим. Если бы мне этого самой захотелось. Или

пришлось бы. Костюм сшит из какой-то особенной ткани, и мне в нем в жару прохладно, а в холод, наоборот, тепло. Пока что он меня ни в чем не разочаровал.

~~Пока что пока что пока что~~

Я иду завтракать одна.

Сони и Сары никогда нет в комнате к тому времени, когда я просыпаюсь. Их работа в лечебном отсеке никогда не заканчивается, и они не только умеют исцелять раненых, они еще дни напролет пытаются создавать всевозможные противоядия и мази. Мне удалось поговорить с ними один-единственный раз, и тогда Соня постаралась объяснить мне, что некоторые виды энергии могут истощаться, если мы при этом сильно напрягаемся. Оказывается, мы можем исчерпать запас энергии до такой степени, что наш организм окажется на грани разрушения. Девушки говорят, что они мечтают изобрести лекарства, которые будут использовать при многочисленных повреждениях тела в тех случаях, когда они не будут успевать справляться с большим количеством ранений. В конце концов, их всего двое. А война, похоже, неотвратима.

Я вхожу в столовую, но головы по-прежнему поворачиваются в моем направлении.

Я представляю собой интересное зрелище, аномалию даже среди аномалий. Мне пора бы уже к этому привыкнуть после всех тех долгих лет. Я должна была бы стать сильнее, успеть пресытиться их вниманием и вообще стать безразличной к мнению всех остальных.

~~Я много еще чего должна была бы научиться делать.~~

Взор мой чист, руки произвольно по бокам, и я стараюсь сделать вид, что не могу смотреть никому в глаза, потому что увлечена вот тем крохотным пятнышком на стене на расстоянии метров двадцати от того места, где я сейчас нахожусь.

Я стараюсь казаться просто еще одной единицей из их общего числа.

На лице – никаких эмоций. Губы неподвижны. Спинка прямая, кисти расслаблены. Я робот, я призрак, скользящий сквозь толпу.

Шесть шагов вперед. Пройти мимо пятнадцати столиков. 42 секунды, 43, 44, и счет продолжается.

Я напугана.

Я напугана.

Я напугана.

Я со всем справлюсь.

Нас кормят здесь всего три раза в день. Завтрак с 7 до 8 утра, обед с 12 до часу дня, ужин с 5 до 7 вечера. Ужин сделали на час дольше, потому что это конец дня, ну, как будто некая награда за то, что мы хорошо потрудились. Но прием пищи здесь – это не удовольствие какое-нибудь и вовсе уж не роскошь. Здесь происходит все совсем не так, как это было у Уорнера. Здесь мы сначала стоим в длинной очереди, потом берем заранее наполненные едой миски и направляемся в зону приема пищи – это прямоугольные столики, выстроенные в несколько рядов по всему залу. Ничего лишнего нам не дают, а потому на тарелках никогда ничего не остается.

Я замечаю в очереди Адама и сразу направляюсь к нему.

68 секунд, 69, 70, и счет продолжается.

– Привет, красотка!

Какой-то мягкий комок попадает мне в спину. Падает на пол. Я поворачиваюсь, на моем лице срабатывают 43 мышцы, что требуется при том, когда человек хмурится. И только потом замечаю его.

Это Кенджи.

Широкая непринужденная улыбка. Глаза цвета оникса. Его прямые волосы как будто стали еще темнее и жестче и теперь так и лезут ему в глаза. Нижняя челюсть дрожит от сдерживаемого смеха, губы кривятся, над скулами образовались выпуклости вроде яблок –

это все из-за улыбки, с которой он как будто силится совладать. Он смотрит на меня так, словно я заявила сюда с обрывками туалетной бумаги в волосах или со мной произошло еще что-то такое же несуразное. И тут я невольно думаю о том, почему же я и в самом деле не проводила в его компании свое свободное время с тех пор, как мы приехали сюда. С формальной точки зрения он в общем-то спас мне жизнь. И Адаму. И Джеймсу тоже.

Кенджи нагибается и поднимает с пола то, что весьма напоминает свернутые в комок носки. Он многозначительно взвешивает их в руке, словно раздумывает, а не швырнуть ли их в меня еще разок.

– Куда направляешься? – интересуется он. – По-моему, мы с тобой должны были встретиться именно здесь. Касл говорил мне, что...

– Зачем ты принес с собой сюда носки? – обрываю его я. – Здесь люди пытаются поесть.

Он застывает на месте, но лишь на долю секунды, потом закатывает глаза к потолку. Подходит ближе ко мне. Дергает меня за хвостик.

– Я опаздывал на встречу с вами, ваше высочество. У меня не оставалось времени на то, чтобы еще надеть носки. – И он указывает сначала на носки в руке, потом на свои ботинки.

– Фу, как грубо!

– Удивительно, у тебя действительно странные методы доказывать, что тебя так и тянет ко мне.

Я мотаю головой, едва сдерживая смех. Кенджи удалось меня позабавить. Этот парень – настоящий ходячий парадокс. В нем как будто соединились, с одной стороны – Решительная Серьезная Личность, и с другой – Двенадцатилетний Мальчишка, Едва Достигший Половой Зрелости. Но я уже забыла, что в его присутствии действительно как будто становится легче дышать. И смеяться, кажется, куда более естественным, когда он где-то рядом. Поэтому я продолжаю свой путь, мысленно дав себе зарок не проронить сейчас ни единого слова, хотя улыбка у меня так и рвется наружу. Я хватаю поднос и решительно устремляюсь в глубину кухни.

Кенджи отстает от меня лишь на полшага.

– Итак, сегодня мы работаем вместе.

– Угу.

– И что же ты вот так запросто проходишь мимо меня? И даже не хочешь сказать мне «привет»? – Он прижимает носки к груди. – Я повержен. Я ведь уже придержал для нас отдельный столик, и все такое.

Я бросаю на него беглый взгляд и иду дальше.

Он нагоняет меня.

– Я серьезно. А ты можешь себе представить, как это бывает ужасно, когда вот ты машешь кому-то рукой, а тебя при этом просто игнорируют, и все. А потом ты выглядишь круглым идиотом, когда начинаешь свое: «Нет, правда, я клянусь, я знаю эту девчонку, мы с ней хорошо знакомы», – но тебе уже никто не верит, и тогда...

– Ты шутишь? – Я резко останавливаюсь посреди кухни. Поворачиваюсь. На моем лице отражено полное непонимание. – Ты заговорил со мной всего, может быть, один раз за те две недели, пока мы тут живем. Я вообще тебя почти не видела.

– Хорошо, не горячись только, – говорит он и встает так, чтобы преградить мне путь. – Мы с тобой оба понимаем, что ты никак не могла не заметить всего вот этого, – тут он указывает на себя, – и если ты сейчас задумала играть со мной в свои игры, я должен заявить тебе вполне официально, что у тебя из этого ничего не получится.

– Что такое? – Я морщу лоб. – О чем ты тут гово...

– Ты не можешь так долго играть со мной и казаться недотрогой. – Он загадочно приподнимает брови. – Я ведь даже не могу коснуться тебя. Вот видишь, как слово «недотрога» поднимается на совершенно другой уровень. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду.

– Господи! – произношу я одними губами, мотаю головой и уже громко добавляю: – Да ты просто сумасшедший.

Он падает на колени передо мной:

– Да! Я сошел с ума из-за твоей небесной любви!

– Кенджи!

Я не поднимаю взгляда, потому что боюсь посмотреть, что творится вокруг, но мне отчаянно хочется, чтобы он замолчал. И чтобы между нами сейчас оказался целый зал. Я понимаю, что он шутит, но я единственная, кто догадался об этом.

– Что? – спрашивает он, и голос его грохочет, заполняя все пространство вокруг: – Неужели моя любовь смущает тебя?

– Прошу тебя, ну пожалуйста, встань сейчас же и говори потише...

– Ни за что.

– Почему нет? – умоляю я.

– Потому что, если я начну говорить тише, я не услышу сам себя. А это, – заключает он, – моя любимая роль.

Я даже на него смотреть не могу.

– Не отвергай меня, Джульетта. Я так одинок.

– Что с тобой стряслось?

– Ты разбиваешь мне сердце. – Его голос звучит еще громче, он в нарочито преувеличенном отчаянии размахивает руками, да так активно, что чуть не задевает меня, и мне приходится в панике пятиться от него. Но тут я осознаю, что все смотрят именно на него.

Их это развлекает.

Я выдавливаю из себя какую-то кривоватую улыбку и, робко оглядывая зал, с удивлением действительно убеждаюсь в том, что на меня не смотрит ни один человек. Мужчины скалятся, видимо, они привыкли к выходкам Кенджи, а женщины не сводят с него глаз, в которых смешиваются восхищение и что-то еще.

И Адам тоже смотрит на него. Он стоит со своим подносом в руках, чуть склонив голову набок, и по всему видно, что он смущен. И как только наши взгляды встречаются, он неуверенно улыбается мне.

Я направляюсь к нему.

– Эй, крошка, подожди. – Кенджи в один прыжок настигает меня и хватает за руку, как только я успеваю сделать несколько шагов. – Ты же понимаешь, мне просто не хочется оставить тебя в покое. – Он следит за моим взглядом и, заметив Адама, хлопает себя ладонью по лбу. – Ну конечно же! Как я мог позабыть? Ты влюблена в моего соседа по комнате.

Я поворачиваюсь к нему.

– Послушай, я благодарна тебе за то, что теперь ты будешь помогать мне в моих тренировках. Это действительно так. Спасибо тебе за это. Но нельзя же вот так признаваться мне в вымышленной любви, тем более на глазах у Адама. И пропусти меня, а то скоро время завтрака закончится, ладно? Я его и так редко вижу.

Кенджи неторопливо кивает и выглядит теперь мрачней тучи.

– Ты права, прости. Я все понял.

– Спасибо.

– Адам ревнует, потому что мы любим друг друга.

– Иди уже за своей миской! – Я подталкиваю его, может быть, слишком сильно, а сама едва сдерживаю смех.

Кенджи тут один из очень немногих – не считая Адама, разумеется, – кто не боится дотрагиваться до меня. На самом деле, конечно же, никому не следует ничего опасаться, когда я одета в свой замечательный костюм, но я обычно во время еды снимаю перчатки, а моя репутация идет далеко впереди меня. Люди предпочитают держать дистанцию. Но

хотя я один раз совершенно случайно напала на Кенджи, он меня не боится. Мне кажется, потребуется что-то астрономически грандиозное и ужасное, чтобы сломить его.

И это вызывает у меня восхищение.

Адам неразговорчив. Впрочем, ему не надо ничего мне сообщать. Достаточно одного короткого «привет», потому что в этот миг я замечаю, что губы его немного кривятся на одну сторону, он как будто становится чуточку выше и немного напряженнее и скованнее. И хотя я немного знаю об этом мире, но я хорошо умею читать ту книгу, которая написана прямо в его глазах.

В том, как он смотрит на меня.

Глаза его как будто еще сонные, и это меня беспокоит, но взгляд все такой же нежный. Он сосредоточен на мне и полон чувств, и от этого мне всегда хочется броситься в его объятия, когда он появляется рядом со мной. Я наблюдаю за его бесхитростными движениями. Вот он переносит вес с одной ноги на другую, хватает поднос, кивает кому-то в знак приветствия. Но в то же время я слежу за каждым изменением в положении его тела, пока оно перемещается в пространстве вокруг нас. Этих моментов, когда мы вместе, так мало, их так не хватает, что у меня постоянно теснит в груди и еще начинает ныть сердце. Он заставляет меня забывать обо всем и становиться такой непрактичной...

Он хочет, чтобы моя рука была всегда в его руке.

А я хочу вечно смотреть на него.

– С тобой все в порядке? – спрашиваю я, а на душе у меня тревожно из-за прошлого вечера.

Он кивает. Пытается улыбнуться, но я вижу, с каким трудом у него это получается.

– Да. Я... м-м... – Он прокашливается. Набирает в легкие побольше воздуха. Отворачивается. – Да, прости меня за вчерашнее. Я, в общем... немного переживал.

– О чем?

Он смотрит куда-то через мое плечо. Хмурит лоб.

– Адам...

– Да?

– Почему ты переживал?

И снова наши взгляды встречаются. Глаза у него немного расширены. Округлены.

– Что? Нет, ни о чем.

– Я тебя не пони...

– Вы о чем так долго тут болтаете, ребята?

Я резко поворачиваюсь на сто восемьдесят градусов. Кенджи стоит прямо за мной. У него на подносе наставлено так много еды, что меня даже удивляет: как это ему удалось. Наверное, он убедил поваров, что ему сегодня требуется дополнительное питание.

– Ну так что же? – Кенджи смотрит на нас не моргая и ждет ответной реакции. Потом он дергает головой чуть назад, словно показывает нам следовать за ним, после чего уходит сам.

Адам шумно выдыхает, но выглядит таким далеким, словно думает о чем-то своем, и я решаю оставить тему вчерашнего вечера. Но очень скоро мы все равно об этом поговорим. Я уверена, что тут ничего страшного нет. Я даже уверена, что тут вообще ничего нет.

Мы скоро поговорим, и все будет хорошо.

Глава 5

Кенджи ждет нас за пустым столиком.

Раньше к нам за едой присоединялся Джеймс, но теперь он нашел себе компанию других таких же мальчиков в «Омеге пойнт» и предпочитает есть вместе с ними. Похоже, он тут самый счастливый из нас троих, и я счастлива потому, что счастлив он, но должна признаться, мне не хватает общения с ним. Правда, мне страшновато говорить об этом. Иногда я даже сама не уверена в том, что мне действительно хочется узнать причину такого его отношения: почему он не остается с Адамом в те минуты, когда появляюсь я. ~~Мне вообще не хочется узнать о том, что, возможно, другие мальчики успели убедить его в том, будто бы я опасна. То есть я, разумеется, опасна, но я только~~

Адам устраивается на скамейке, и я моментально подсаживаюсь к нему, придвигаясь поближе. Кенджи выбирает себе место напротив нас. Адам и я держимся за руки, но прячем их под столом, и я наслаждаюсь роскошью момента, потому что мы просто снова вместе и снова рядом. Я все еще в перчатках, но того, что он близко, мне хватает. У меня внутри как будто распустились цветы, и их лепестки приятно щекочут всю мою нервную систему до последней клеточки. Просто удивительно, как он действует на меня, что он заставляет меня испытывать, какие при этом мысли рождаются у меня в голове! Это похоже на то, что кто-то выполнил сразу три моих желания: касаться, чувствовать и наслаждаться. Это самое странное, что только могло произойти. Сумасшедшее невозможное счастье, завернутое в цветную бумагу, перевязанное красивой ленточкой с бантиком и хранящееся у меня в сердце.

~~И мне часто кажется, что я не заслуживаю такой привилегии.~~

Адам чуть меняет позу, и при этом теперь его нога прижимается к моей.

Я смотрю на него, и он мне улыбается, причем его почти незаметная улыбка говорит мне о многих вещах, да о таких, о чем за столом во время завтрака даже не вспоминают. Я заставляю себя дышать ровно и едва сдерживаю ухмылку. Стараюсь сосредоточиться на еде. Надеюсь только, что я не покраснела.

Адам прильнул к моему уху губами. Я чувствую нежный звук его дыхания еще прежде, чем он начинает говорить.

– Да вы, ребята, просто отвратительно смотрите, вы в курсе?

Я вздрагиваю и поднимаю глаза на Кенджи. Он замер с ложкой на полпути ко рту, склонив голову набок и внимательно разглядывая нас. Потом он ложкой указывает на нас и добавляет:

– Что это еще за ерунда? Вы что там, под столом, в прижималки начали играть или еще что-то новенькое изобрели?

Адам отодвигается от меня, правда, всего на пару сантиметров, и раздраженно выдыхает:

– Знаешь что, если тебе не нравится, можешь убираться отсюда. – Он кивает на столики вокруг. – Тебя сюда садиться никто не просил.

Вот таким становится Адам, когда изо всех сил старается быть вежливым с Кенджи. Когда-то в прошлом, еще на базе, они были друзьями, но получилось так, что Кенджи научился провоцировать Адама на самые плохие поступки. На секунду я даже и забыла о том, что сейчас они соседи по комнате.

Интересно, как им там живется вместе?

– Это все фигня, ты же сам знаешь, – отмахивается Кенджи. – Я же только сегодня утром сказал тебе, что должен сидеть вместе с вами обоими, ребята. Касл хочет, чтобы я помог вам поскорее адаптироваться. – Он презрительно фыркает и кивает на меня: – Послу-

шай, я ума не приложу, что ты такого находишь в этом парне, ты бы пожила с ним вместе хоть немного! Этот тип всегда в плохом настроении, вечно какой-то угрюмый.

– Я не угрюмый...

– Еще какой угрюмый, брат. – Кенджи ставит посуду на столик. – Я только и слышу от тебя: «Заткнись, Кенджи», «Ступай спать, Кенджи», «Никто не желает тебя видеть голым, Кенджи». А я-то уж наверняка знаю, что тысячи особ еще как желают увидеть меня голым...

– И сколько ты должен здесь сидеть? – Адам отворачивается и свободной рукой потирает глаза.

Кенджи выпрямляется. Поднимает ложку, но лишь для того, чтобы пронзить ею воздух.

– Вы вообще должны радоваться тому, что я присел за ваш столик. Общаясь с вами, я поднимаю вас в глазах окружающих.

Я чувствую, как напрягся Адам, а потому решаю вмешаться:

– Эй, давайте поговорим о чем-нибудь другом, ладно?

Кенджи ворчит. Закатывает глаза к потолку. Наконец-то отправляет в рот ложку с едой.

Все это меня начинает сильно беспокоить.

Теперь, когда я могу пристальнее разглядеть Адама, я замечаю какую-то усталость в его глазах, тяжесть в выражении лица, напряженность мышц плеч и рук. Теперь мне становится особенно важно узнать, чем же он занимается здесь, в этом подпольном мире. Что он делает такого, о чем мне не рассказывает. Я чуть заметно тяну его ладонь на себя, и он поворачивается ко мне.

– С тобой точно все в порядке? – шепчу и понимаю, что задаю один и тот же вопрос снова, и снова, и снова.

Его взгляд моментально теплеет. Он хоть и усталый, но уже более мягкий. Он отпускает мою руку под столом, но только для того, чтобы положить мне ее на колено. Его ладонь скользит по моему бедру, и я почти теряю контроль над собой и забываю все слова еще до того, как он чуть прикасается губами к моим волосам, но его губы задерживаются, и я не могу более сосредоточиться. Я нервно сглатываю, да так громко, что при этом чуть не роняю вилку на пол. Только теперь я осознаю, что он, в общем-то, так и не ответил на мой вопрос. Потом он отворачивается, некоторое время смотрит на свою миску и только потом говорит:

– Со мной все в порядке.

Но я продолжаю сидеть неподвижно, почти не дыша, а его рука все так же рисует замысловатые узоры на моей ноге.

– Мисс Феррарс, мистер Кент...

Услышав голос Касла, я чересчур резко выпрямляюсь, так, что невольно ударяюсь костяшками пальцев о столешницу. Есть в его появлении что-то такое, что заставляет меня чувствовать себя так же, как ученица перед учителем, заставшим ее врасплох как раз в тот самый момент, когда она успела напроказничать прямо на уроке в классе. Адама, например, ничуть не всполошило появление в столовой Касла. Я стараюсь не заскулить от боли в руке, и в этот момент чувствую, как пальцы наших с Адамом рук снова переплетаются. Он подносит мою ушибленную руку к губам и нежно целует ушибленные костяшки пальцев. Каждую по очереди, при этом не сводя глаз со своей миски. Я слышу, как Кенджи кашляет – он чуть не поперхнулся, бедняжка.

Я не отпускаю руку Адама и поднимаю голову.

Касл стоит возле нашего столика, а Кенджи уходит отнести пустую посуду на кухню. Он хлопает Касла по спине, как будто они старые добрые друзья, а Касл, в свою очередь, одаривает Кенджи приветливой улыбкой.

– Я сейчас вернусь, – кричит Кенджи через плечо, потом изворачивается и показывает нам большой палец в знак одобрения. – Только постарайтесь не раздеваться у всех на глазах, хорошо? Не забывайте, что здесь есть дети.

Я морщусь и смотрю на Адама, но он, что как-то странно, продолжает внимательно изучать содержимое своей миски. С тех пор как к нам подошел Касл, он еще не произнес ни единого слова.

Я решаю говорить за нас обоих и приклеиваю на лицо широкую улыбку:

– Доброе утро.

Касл кивает, дотрагиваясь до отворота своего блейзера. Он стоит прямо, как всегда, полный сил и самообладания. Его лицо просто сияет, когда он обращается ко мне:

– Я просто пришел поздороваться и проверить вас. Вы молодец, я так счастлив видеть, что вы расширяете круг своих друзей, мисс Феррарс.

– Правда? Спасибо. Только я не могу принять похвалу на свой счет, – уточняю я. – Это же вы сами велели мне сесть за завтраком рядом с Кенджи.

Улыбка Касла становится напряженной:

– Да. Конечно. Что ж, в таком случае я счастлив, что вы решили воспользоваться моим советом.

Я киваю на свою еду. Рассеянно тру пальцами лоб. Адам выглядит так, как будто он вообще не дышит. Я собираюсь произнести хоть какие-нибудь слова, но Касл меня опережает.

– Ну, мистер Кент, – говорит он, – мисс Феррарс сообщила вам о том, что теперь она будет тренироваться вместе с Кенджи? Я надеюсь, что это ускорит ее прогресс.

Адам ничего ему не отвечает.

Касл упорно продолжает:

– Я действительно подумал, что ей, может быть, интересно поработать и вместе с вами.

При условии, конечно, что я буду все это контролировать.

В глазах Адама появляется озабоченность. Он чем-то встревожен.

– О чем вы говорите?

– Ну... – И Касл замолкает. Я замечаю, как он переводит взгляд от меня к Адаму и обратно. – Я полагаю, было бы интересно провести тестирование с вами и с ней. С обоими вместе.

Адам поспешно встает, при этом он чуть не ударяется коленом о стол.

– Я решительно против.

– Мистер Кент... – начинает Касл.

– Ни за что на свете, черт возьми...

– Но выбор остается за ней...

– Я не хочу здесь это обсуждать...

Я вскакиваю на ноги. Адам готов разнести все вокруг. Он сжал руки в кулаки, глаза его сузились до яростных щелочек, лоб напрягся, он весь трясется от переизбытка энергии и возбуждения.

– Что происходит? – требую я ответа.

Касл качает головой и говорит, но обращается при этом не ко мне:

– Я просто хочу посмотреть, что происходит, когда она дотрагивается до вас. Вот и все.

– Вы с ума сошли...

– Решать ей, – продолжает Касл, голос его остается на удивление спокойным. – Это не имеет никакого отношения к вашему личному прогрессу...

– Какому прогрессу? – вмешиваюсь я.

– Просто нужно помочь ей определить, каким образом можно влиять на неодушевленные предметы, – говорит Касл. – С людьми и животными нам уже все понятно – мы знаем,

что тут достаточно одного-единственного прикосновения. Растения, похоже, вообще никак не реагируют на ее способности. Но как насчет всего остального? Тут... другое дело. Она пока что не знает, как справиться с этим, вот я и хочу помочь ей. Вот и все, что мы делаем. Помогаем мисс Феррарс.

Адам делает один шаг, чтобы встать поближе ко мне.

– Если вы помогаете ей выяснить, как можно разрушить неодушевленные предметы, зачем же вам понадобился я?

На какую-то долю секунды Касл выглядит побежденным.

– Я и сам не знаю, – признается он. – Но сами ваши отношения уникальны. Они восхитительны и неподражаемы. Особенно если учесть все то, что нам уже стало известно. Тут...

– А что вам стало известно? – взвиваюсь я.

– ...возможно все, что угодно, – продолжает свою речь Касл. – Что все взаимосвязано каким-то образом, но каким, мы пока понять не можем.

Но Адама это не убеждает. Он крепко сжал губы, так, что они превратились в тонкую линию. Похоже, ему не хочется отвечать.

Касл поворачивается ко мне. Он хочет, чтобы его голос прозвучал восхищенно:

– А вы как считаете? Вам это было бы интересно?

– Интересно? – Я смотрю на Касла. – Я даже не понимаю, о чем вы тут говорите. А еще я хочу узнать, почему никто не отвечает на мои вопросы. Что вам удалось узнать об Адаме? – спрашиваю я. – Что с ним не так? Что-нибудь не так? – Я смотрю на них обоих по очереди. Адам тяжело дышит, но старается, чтобы это оставалось незаметным, при этом он не перестает сжимать и разжимать пальцы. – Кто-нибудь, пожалуйста, скажите мне, что тут происходит.

Касл хмурится.

Он изучает меня, он смущен, брови его сдвинуты, как будто я разговариваю на каком-то давно забытом языке, который он не слышал уже много лет.

– Мистер Кент, – начинает он, все еще глядя на меня, – должен ли я сделать вывод, что вы еще не поделились нашими открытиями с мисс Феррарс?

– Какими еще открытиями? – Мое сердце отчаянно заколотилось, да так, что сразу заболело.

– Мистер Кент...

– Это не ваше дело, – огрызается Адам, при этом его голос звучит негромко и спокойно, но слишком уж мрачно.

– Она должна знать...

– Мы пока еще сами ничего не знаем!

– Мы знаем достаточно.

– Ерунда! Мы еще не закончили...

– Все, что осталось, это протестировать вас двоих вместе...

Адам встает перед Каслом, слишком резко хватая со стола свой поднос.

– Может быть, – говорит он, тщательно подбирая слова, – но только как-нибудь потом. –

И поворачивается, чтобы уйти.

Я дотрагиваюсь до его руки.

Он останавливается. Опускает поднос снова на стол и разворачивается ко мне. Между нами всего пара сантиметров, и я тут же забываю о том, что мы находимся в переполненном людьми зале. Его дыхание такое горячее, а жар его тела окончательно растворяет мою кровь, и она выплескивается ярким румянцем на моих щеках.

Паника исполняет кульбит за кульбитом по всему моему организму.

– Все просто замечательно, – говорит он, но я почти не слышу его, потому что слишком уж громко стучат оба наших сердца. – Все будет хорошо. Я обещаю.

– Но...

– Я обещаю, – повторяет он, хватая меня за руку. – Клянусь, я все устрою.

– Устрою? – Мне кажется, что я сплю. И еще, будто я умираю. – Что именно «устрою»? – Что-то как будто ломается в моем мозгу, что-то происходит помимо моего желания и воли, и я теряюсь, теряюсь, я ничего не понимаю и продолжаю тонуть в этом полном непонимании происходящего. – Адам, я не пони...

– То есть я угадал, да? – Кенджи возвращается к нам. – Вы собрались сделать это прямо здесь? На глазах у всех? Предупреждаю, эти столики не такие уж удобные, как это кажется на первый взгляд...

Адам отстраняется от меня и хлопает Кенджи по плечу, выходя из зала.

– Не надо.

Это все, что я слышу от него, и он исчезает.

Глава 6

Кенджи успеваает только тихо присвистнуть.

Касл зовет Адама по имени, просит его вернуться, чтобы спокойно поговорить. Но Адам даже не оборачивается.

– Я же говорил тебе, что он угрюмый, – бормочет Кенджи.

– Никакой он не угрюмый, – слышу я свой голос, но слова кажутся какими-то отдаленными, и они при этом как будто никак не связаны с моими губами. Я как будто онемела, словно из меня вынули все то, что находилось внутри, и единственное, что прижимает меня к земле, – это мозг, который еще полон материи, потому что все то, что очень важно, материально, и все оно находится у меня в голове.

~~Но куда подевался мой голос я не могу отыскать свой голос я не могу отыскать свой~~

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.